

Культурно-просветительский центр

ФЛОРА СПИР

Флора Спир, создательница
бестселлеров
«Дурная любовь»
и «Страстная
визитка»,
открывает
новый
горизонт в
любви и
романах

Романтический

ГИМН РОЖДЕСТВА

Флора Спир

Гимн Рождества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150869

Оригинал: *FloraSpeer, "Christmas Carol"*

Аннотация

Кэрол Симмонс не ждет ничего хорошего от рождественских праздников. Она вообще не любит Рождество: ведь как раз накануне Рождества, не выдержав позора, застрелился ее отец, незадачливый разорившийся бизнесмен, и событие это круто переменяло жизнь девушки, превратив ее, брошенную коварным женихом, в компаньонку вздорной и скупой леди Августы. Но все эти перемены не идут ни в какое сравнение с теми захватывающими и необычайными приключениями, что предстоят девушке в будущем. А может, то было прошлое?

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
Глава 1	4
ЧАСТЬ 2	36
Глава 2	36
Глава 3	68
Глава 4	93
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Флора Спир

Гимн Рождества

ЧАСТЬ 1

ЧЕПУХА

Глава 1

Лондон, 1993

Зная о неприязни леди Августы к любому событию, требующему раздачи подарков или денег, все ее близкие сочли, что распрощаться с этим миром 18 декабря – вполне в ее духе. Таким образом она ловко избежала необходимости вручать рождественские подарки своим слугам и тем немногочисленным торговцам, у которых еще не пропало желание приносить к ее дверям бакалею, вина и мелкую галантерею. То есть к тем ее дверям, что предназначались для слуг и торговцев. Парадной же дверью ее особняка теперь пользовались редко. Даже Кэрол Ноэлли Симмонс, компаньонка леди Августы, которая могла бы при желании пользоваться парадной дверью, почти всегда ходила через черный ход. Но во вторник 21 декабря лакей Крэмpton то и дело открывал и

закрывал тяжелую парадную дверь, ибо это был день похорон леди Августы.

Кэрол не могла не восхищаться мужеством старой девы. В начале осени та заявила со всей резкостью и определенностью, на которые была способна, что не поедет ни в интернат, ни в больницу. Она оказала полное неповиновение своему врачу, который пришел в полное отчаянье. Выяснилось также, что она не собирается оплачивать услуги сиделки. Поэтому Кэрол и немногим оставшимся слугам пришлось мыть ее, кормить и переворачивать, когда она уже не могла вставать.

Ярость, которую леди Августа испытывала из-за своей все возраставшей беспомощности, обрушивалась на всех слуг, но по большей части – на Кэрол. До самой смерти оставаясь особой с невозможно вздорным характером, леди Августа в течение нескольких последних месяцев жизни даже лишила Кэрол полагавшегося ей еженедельного выходного.

Кэрол возмущалась этим, но противоречить хозяйке не осмеливалась. Карманных денег у нее было очень мало – леди Августа считала, что комната и стол составляют большую часть жалованья ее слуг, а Кэрол была с ее точки зрения не более чем прислуга. Только ей платили немного больше, чем другим.

Но ведь в Лондоне можно найти такие удовольствия, которые почти ничего не стоят. Для этого требуются только пара удобных расхожих туфель, зонтик и уличная одежда, защи-

щающая от непогоды. Но с конца сентября, когда леди Августа оказалась прикованной к постели, эти одинокие прогулки стали для Кэрол недоступны. Теперь это драгоценное время очень скоро вернется, ибо Кэрол стоит сейчас в холодной бледно-желтой гостиной в Марлоу-Хаус и прощается с участниками похорон.

Их было немного, и уходили они полуголодными. Поняв, что конец близок, леди Августа приказала подать на поминальном «пиру» только чай и бисквиты. Даже после ее смерти ее приказы должны были исполняться. Уж не боятся ли слуги, подумала Кэрол, что им явится призрак леди, если они откупорят для гостей бутылку шерри? Сама она намеревалась накануне сделать именно это.

– Ни в коем случае, мисс Симмонс, – возразил на это Крэмpton с плохо скрытым ужасом. – Никакого вина не будет. Леди Августа лично составила меню для этого случая, и мы, как всегда, в точности последуем ее указаниям.

Так они и сделали. В камине разожгли горстку угля, на один из изящных столиков в стиле Регентства поставили поднос с чайником и блюдом бисквитов, и Кэрол подумала, что гостиная так же холодна и уныла, как в начале XVIII века, когда Марлоу-Хаус только что был построен.

К Кэрол подошел преподобный м-р Люциус Кинсэйд, ректор соседней церкви св. Фиакра, отслуживший похоронную службу. Полагая, что он собирается уходить, она протянула ему руку. Но священник явно не хотел покидать Марлоу-Ха-

ус, не получив кое-какой информации.

– Я очень надеюсь, – сказал он, – что леди Августа не была в своем завещании Благотворительный комитет «Щедрый стол» при нашей церкви.

Это был высокий худой человек с темными седеющими волосами, в плохо сшитом костюме. Кэрол смотрела на него с неприязнью, потому что, как и ее покойная хозяйка, не интересовалась религией. Она даже не помнила, посещала ли леди Августа церковь. О, ратиться к преподобному м-ру Кинсэйд предположил Крэмpton.

– Мы еще ничего не знаем о благотворительных распоряжениях леди Августы, – заметила, подходя к ним, жена ректора. В отличие от своего плохо одетого мужа миссис Кинсэйд была облечена в весьма модный туалет – необычайно короткую юбку и шляпу, прибывшую, вероятно, прямоком с Американского Запада. – Должна признаться, что материальные дела церкви плоховаты. Перед Рождеством бедняки так нуждаются в нашей помощи, что мы должны немало сделать, чтобы помочь бедным. Мы готовы обеспечить их всем необходимым, если у нас будут средства. Или хотя бы обещание, что они у нас будут.

– Я не уполномочена делать пожертвования от имени леди Августы, – холодно ответила Кэрол. – Если вам нужны деньги, поговорите с ее поверенным.

– Тогда, может быть, вы сами захотите помочь нам в наших праздничных хлопотах, – настаивал ректор, улыбаясь

Кэрол, на что та никак не ответила.

– Нет, не захочу, – отрезала Кэрол.

– Конечно же, – продолжал Люциус Кинсэйд, – получив от леди Августы щедрое вознаграждение за ваши преданные заботы о ней в течение последних пяти с лишним лет, вы не откажетесь великодушным даянием помочь в это святое время тем, кто не так счастлив, как вы.

Прикусив язык, чтобы не бросить ему, что она – самый несчастный человек на свете, Кэрол пристально взглянула на преподобного м-ра Кинсэйда. До сегодняшнего знакомства с ним она не представляла себе, что можно выражаться в такой манере. Его изощренная речь звучала так, будто он жил в Викторианскую эпоху. И как он смеет клянчить у нее деньги чуть ли не на похоронах?

– Церковь святого Фиакра, – пробормотала Кэрол, испытывая злорадство при мысли о том, что собирается сказать, – знаю я, кто такой этот святой Фиакр.

– Мы – нация садовников, – ответил ректор, – и потому многие о нем знают. Ибо он – святой покровитель садовников.

– Это не все, – продолжала Кэрол, – святой Фиакр – типичный женоненавистник, ирландский монах-отшельник, он жил в шестом веке. Как я припоминаю, у него было правило, запрещавшее женщинам входить в ограду, окружавшую его драгоценную хижину.

Кэрол и сама не понимала, почему она ведет себя так

нелюбезно. Обычно она держалась совсем иначе, но что-то в чете Кинсэйдов раздражало ее. Почему-то в их присутствии она чувствовала себя виноватой. Она этого не любила.

– Святые пользуются славой трудных людей, самая их святость заставляет окружающих чувствовать себя неловко, – улыбнувшись, сказала миссис Кинсэйд, делая вид, что грубость Кэрол ее не обидела. – Есть даже легенда о том, как одна знатная дама нарушила это правило и осмелилась войти в ограду. Она попыталась заговорить с ним. Конечно, ее тут же постигла ужасная смерть. Но это было – если было вообще – более четырнадцати столетий тому назад. Глупо в наше время негодовать на отношения, бытовавшие в таком далеком прошлом. Напротив, в наше время следовало бы простить бедному святому его прегрешения против слабого пола, если таковые вообще имели место, и, возможно, время от времени пробуждать его садоводческий дух-, когда у нас появляются трудности с нашими садами. – Улыбнувшись, она кончила свою речь.

– Я не занимаюсь садоводством, – сказала Кэрол, – и никогда не занималась. – Она с удовольствием наблюдала, как гаснет улыбка миссис Кинсэйд.

– Если бы вы пожелали научиться этому, – дружески предложил Люциус Кинсэйд, – весной мы всегда пользуемся услугами добровольцев, помогающих нам в садике при церкви.

– Нет, спасибо, я горожанка. – Кинсэиды, вероятно, наде-

ются, что она будет дарить растения для их жалкого сада. А Кэрол вовсе не намеревалась выбрасывать деньги на ветер.

– Послушайте, – сказала она, – хотя это вас и не касается, но вы хотя бы перестанете терять время зря, обращаясь ко мне с просьбами. Леди Августа не оставила мне ничего.

– Совсем ничего? – изумилась жена ректора.

– Совсем. – Расспросы казались Кэрол нескромными, и она отвечала по-прежнему грубо. – Если вы проявляете такой неподобающий интерес к завещанию, разрешите сообщить вам, что сказал сегодня утром поверенный мне и остальным слугам. Леди Августа действительно оставила небольшие суммы Крэмptonу и миссис Маркс, кухарке. Горничная Нелл, судомойка Хетти и я не получили ничего, кроме разрешения пользоваться комнатой и столом в течение месяца, считая со дня смерти леди Августы, – за это время мы должны найти работу.

– Боже мой, – казалось, ректор был потрясен, – распоряжение никак не назовешь щедрым.

– Вы правы, черт побери. Надеюсь, вы не ожидали, что леди Августа проявит щедрость. – Свою безрадостную усмешку Кэрол адресовала и ректору, и его жене. – Это была самая скупая и равнодушная женщина из всех, кого я знаю.

– Ну-ну, мисс Симмонс, – возразил ректор, – каково бы ни было ваше личное разочарование, о мертвых всегда нужно говорить хорошо.

– Именно этим я и занимаюсь. Я восхищаюсь скупостью

леди Августы и тем, что она никогда не прислушивалась ни к какой чепухе, от кого бы она ни исходила. Она жила и умерла так, как ей хотелось и как было лучше для нее.

– Большую часть жизни она прожила в одиночестве и умерла в одиночестве, если не считать слуг, – заметил ректор и добавил одну из своих старомодных фраз:

– Люди надеются, что в конце жизни рядом с ними будет близкий родственник или по крайней мере дорогой друг.

– Вместо этого у нее была я, и она считала, что я стою немногого. Она доказала это своим завещанием. – Кэрол не сказала, что все, кого она когда-либо знала, тоже, кажется, считали, что она стоит немногого. И будут считать, пока у нее не будет достаточно денег, чтобы вызывать у людей интерес. Она заставила себя отбросить мысли о прошлом. Она давно уже поклялась себе забыть о равнодушном человеке, который...

– Кстати о родственниках, – начала жена ректора, нарушая невеселые размышления Кэрол, – почему здесь нет Николаса Монфорта? Кажется, это единственный здравствующий родственник леди Августы?

– Да, – вставил ее муж, – м-р Монфорт – племянник леди Августы, единственный сын ее сестры.

Кэрол с трудом удержалась, чтобы не спросить у любопытствующей пары, не собираются ли они копаться в генеалогии семейства Марлоу – Монфортов. Вместо этого она разумно и вежливо объяснила отсутствие Николаса Монфорта:

– М-р Монфорт не смог сразу же выехать из Гонконга. Его там удерживают деловые интересы. Он прислал телеграмму, в которой настаивал, чтобы леди Августу похоронили без него. Очевидно, он приедет в Лондон где-то на той неделе, чтобы переговорить с поверенным о наследстве.

– Можно было предположить, – заметила жена ректора, – что он захочет отложить похороны до своего приезда.

– Без сомнения, м-р Монфорт был привязан к своей тетке ничуть не больше, чем все остальные. – Глаза Кэрол сузились, когда она обратилась к ректору. – Интересно, ведь я никогда не встречала вас у леди Августы, пока та была жива. Вы обратились бы к ней за пожертвованием?

– Обращался, когда посетил ее как пастырь несколько лет назад. Она отказалась пожертвовать Святому Фиакру и сказала, что не желает больше видеть меня в своем доме. Все же из христианского милосердия можно было надеяться... что в завещании... в эти рождественские дни... – Люциус Кинсэйд многозначительно смолк.

– О да. – Кэрол не могла, да и не пыталась удержаться от насмешливого тона, потому что эта церковная пара вызывала у нее все большее раздражение. – Праздник. Боюсь, я – последний, кто мог бы помочь вам ради этого праздника. Рождество меня мало трогает.

– Рождество вас мало трогает? – повторила, как эхо, миссис Кинсэйд.

– Да. – Хватит с нее расспросов. Она заметила взгляд, ко-

торым обменялись муж и жена, и добавила:

– В наши дни празднование Рождества превратилось просто в безудержную погоню за прибылью. Истинного духа этого праздника уже не осталось.

– Если вы так считаете, значит, вы проводили этот праздник не с теми людьми, – сообщил преподобный м-р Кинсэйд. – Я знаю место, где истинный дух Рождества живет круглый год.

Кэрол бросила на него уничтожающий взгляд:

– Что ж, желаю вам счастливого маленького Рождества где-нибудь в таком месте. Но не приглашайте меня на этот праздник и не надейтесь, что я приму участие в ваших любимых благотворительных делах.

И она повернулась к супругам спиной, не заботясь о том, будут ли они огорчены или шокированы ее словами. У нее были личные причины ненавидеть рождественские праздники, но она не собиралась обсуждать их с преподобным м-ром Кинсэйдом и его женой.

Кэрол не хотелось, чтобы кто-нибудь строил догадки насчет ее финансового положения, как это делал ректор. Всех всегда это интересовало. Молодые люди, глядя на расточительный образ жизни ее родителей, принадлежавших в 80-е годы к верхушке общества нуворишей в Нью-Йорк-Сити, считали, что она унаследует хорошее состояние. Но ее отец разорился в результате махинаций деловых партнеров, замешанных в незаконные финансовые сделки, и торжественные

уверения в вечной преданности разом прекратились, и все эти молодые люди, в том числе один особенный молодой человек, в которого, как ей казалось, она была влюблена, утратили к ней всякий интерес. Подруги тоже стали ее избегать. И ни один из этих так называемых друзей, считавших, что состояние ее отца необъятно, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ему, когда он изо всех сил старался выплатить долги партнеров. В ответ на финансовый крах мужа мать Кэрол развелась с ним и вышла замуж за человека куда более богатого, чем когда-либо был Генри Симмонс. Бывшая миссис Симмонс отправилась в долгое свадебное путешествие.

Кэрол ничего не знала о теперешнем местопребывании матери, а после их последней крупной ссоры и не желала знать.

Потеряв состояние, брошенный женой. Генри Элвин Симмонс взял старинное ружье из своей коллекции и размозжил себе голову. Это произошло на рождественский сочельник, который в то же время был двадцать первым днем рождения Кэрол.

Осиротев и оставшись без гроша, Кэрол стала искать место и обнаружила, что ушла из своей прежней обеспеченной жизни совершенно неприспособленной к какой-либо практической работе, которая могла бы понадобиться в конце 80-х годов, когда экономика страдала от снижения покупательского спроса. Компьютеры представлялись ей совершенной загадкой. Она могла бы преподавать французский – она хо-

рошо говорила на этом языке – или английскую литературу и историю, но ни в одной школе, куда она обращалась, не проявили интереса к молодой женщине без всякого преподавательского опыта.

Несколько месяцев она работала официанткой, но свою работу ненавидела и примирялась с ней только потому, что каждый день могла прятать к себе в сумку продукты и съедать их дома, в комнате, которую ей пришлось снять. Когда управляющий объяснил ей слишком ясно, что именно ей нужно делать, чтобы увеличить свой скудный заработок, она уволилась. Не так уж она была голодна, чтобы продаваться за еду или за обещание денег.

Она была экономна по натуре, и поэтому ей удалось скопить небольшую сумму, но она знала, что этого хватит ненадолго. Тогда-то она и стала подумывать, не кончить ли ей так же, как отец, и вдруг ей попало объявление, приглашающее платную компаньонку. Нужно было ехать в Лондон. Предлагали комнату, стол и небольшую плату. Уехать из Нью-Йорка! После долгих расспросов по телефону Кэрол получила место. Ее денег хватило как раз на один конец в экономическом классе.

Ранним утром, бодрая после ночного перелета, держа в одной руке свой единственный чемодан, а в другой – адрес новой хозяйки, Кэрол оказалась на ступеньках Марлоу-Хаус. Сначала она почувствовала огромное облегчение, обретя устойчивое положение в такой престижной британской

семье. Недели в Марлоу-Хаус оказалось достаточно, чтобы она поняла, почему леди Августа поместила объявление в Штатах. Ее скупость и дурной характер стали легендой. Но характер старой дамы вполне соответствовал настроению Кэрол, и постепенно она приспособилась к ее трудновыносимым странностям. Эти две женщины были и на самом деле удивительно похожи. Как и леди Августа, Кэрол в глубине души была убеждена, что единственно важная вещь на свете – деньги. На примере своей собственной жизни она видела, что можно купить на деньги, – для доказательства ей достаточно было посмотреть на свою экстравагантную мать и ее многочисленных поклонников. По тому, как мать бросила отца, а предполагаемые влюбленные отступились от нее, Кэрол поняла, что происходит, когда человек остается без денег.

Поэтому она с уважением относилась к леди Августе, которая не питала никаких иллюзий насчет человеческих привязанностей. Или насчет благотворительности. Или насчет того, что праздники должны сопровождаться необыкновенными пиршествами, подарками и приемами. Особенно это относилось к Рождеству, которое утратило всякий смысл и превратилось просто-напросто в коммерческое мероприятие для выманивания денег у простых работяг. По всем этим вопросам мнение Кэрол полностью совпадало с мнением старой леди.

– Все ушли, мисс Симмонс. Я пришлю Нелл убрать посу-

ду. — В гостиную вошел Крэмpton, и Кэрол поняла, что, глубоко погрузившись в свои мысли, не заметила, как попрощалась с преподобным м-ром Кинсэйдом и его женой, с поверенным и с гостями. — Вы будете обедать в своей комнате?

— Нет, я буду обедать не дома. — В голосе ее было столько сарказма, что Крэмpton высоко поднял брови.

— Простите, мисс? — В голосе лакея слышалось неодобрение.

— Ну конечно, я буду обедать у себя в комнате. Когда же было иначе?

В начале ее пребывания в Марлоу-Хаус предполагалось, что она будет обедать каждый вечер в столовой с хозяйкой, но когда во время последней болезни леди Августа оказалась прикованной к постели, Кэрол попросила, чтобы поднос с едой приносили к ней в комнату. Только так она могла хотя бы часок побыть наедине с собой после полного хлопот и неприятностей дня, проведенного у постели раздражительной больной старухи.

Выйдя из гостиной, Кэрол поднялась наверх по широкой изогнутой лестнице. Когда ее рука коснулась перил, ей показалось, что полированное дерево дрожит под ее пальцами. Конечно, это просто дурацкое воображение. Она очень устала и чувствовала естественный упадок сил после похорон. Не говоря уже о том, что леди Августа решила забыть в своем завещании о пяти с половиной годах честной службы своей компаньонки.

– Хотя бы небольшую сумму, – пробормотала Кэрол, поднявшись по главной лестнице и направляясь через холл к маленькой лесенке, ведущей на верхний этаж Марлоу-Хаус. – Сотню фунтов, ну самое большее две. Бог мой, это ведь всего пятьсот долларов или около того, а ведь всем известно, что леди Августа была баснословно богата. Она дала бы мне понять, что оценила все, что я для нее сделала.

Из комнаты леди Августы послышался негромкий циничный смех. Кэрол замерла на мгновение у закрытых дверей. Все было тихо.

– Померещилось, – громко сказала она, – в комнате никого нет. Я уверена.

Все-таки она открыла дверь. Занавеси были опущены, и в комнате был полумрак. Кэрол нащарила на стене выключатель, и лампочки засияли в хрустальной люстре, свисавшей с середины потолка.

– Так я и думала. Никого. В ванной тоже никого. И в туалетной. – Кэрол прошла из ванной в зеркальную туалетную и обратно в ванную, продолжая говорить сама с собой:

– Леди Августа принадлежала к тому разряду людей, которые оставляют на всем свой отпечаток, не исчезающий после их смерти. Вот это-то на меня и действует. Завтра скажу Нелл открыть здесь окна и хорошенько прибраться, чтобы уничтожить все следы пребывания старой девы, в том числе и этот ужасный запах лаванды.

Кэрол направилась было в холл, но остановилась. Она зна-

ла, что этого не может быть, что она только что осмотрела все комнаты, но все же покалывание между лопатками подсказывало ей, что в спальне кто-то есть. Она обернулась, но в комнате по-прежнему было пусто. Откуда-то потянуло холодом по ногам, и пахнуло лавандой. Она быстро выключила свет, выбежала в холл и плотно закрыла за собой дверь. Потом поспешила в тот конец холла, откуда шла лестница наверх. Она ни разу не оглянулась, пока не поднялась на свой этаж.

Когда-то это была комната для гувернантки, а теперь нечто среднее между помещением для прислуги и комнатой, куда можно поселить какую-нибудь незначительную особу, когда Марлоу-Хаус бывает переполнен гостями. Комната находилась в передней части дома, и из двух ее окон открывался вид на сквер, который в летнее время выглядел очень симпатично – деревья, трава, цветник, кованая ограда. Сейчас в центре сквера стояла елочка, украшенная в честь рождественских праздников. В тумане и измороси раннего вечера весело горели разноцветные лампочки. Погода скорее напоминала начало ноября, День всех святых, чем Рождество. Если бы Кэрол верила в привидения, она сказала бы, что сейчас для них самое время. Но она в них не верила. Кэрол вообще почти ни во что теперь не верила. Она задернула занавеси, чтобы отгородиться от веселого праздничного зрелища.

Горничная Нелл уже была в комнате и разводила огонь в камине. Языки пламени отбрасывали пляшущие тени на по-

толок и на стены. Обстановка была очень простая. В комнате стояла старомодная кровать с четырьмя колонками, между которыми гордо висели занавески из потертого бархата. Пыль и затхлый запах старой ткани время от времени вызывали у Кэрол приступы чиханья, так что вскоре после водворения в Марлоу-Хаус Кэрол сама убрала эти занавески. Кроме кровати, в комнате был комод, письменный стол со стулом, а у камина – кресло с подушечкой для головы. Завершали обстановку торшер, скамеечка для ног и столик, располагающиеся вокруг каминного кресла. Ванная была через три двери, пройти туда можно было только через холл.

Кэрол не заботило, что в комнате не было никаких безделушек, что кровать без занавесок выглядела голой, что зеленое покрывало и старый турецкий ковер порядком истрепались. С чего это она будет тратить с таким трудом заработанные деньги на легкомысленные украшения? Спартанская нагота комнаты соответствовала ее подавленному состоянию, хотя Кэрол не считала себя подавленной. Она считала себя человеком, сохранившим трезвость взгляда среди постигших его несчастий.

Поскольку никаких дел на этот вечер у нее больше не было, она сняла скромное темное платье и туфли на низком каблуке и надела фланелевую ночную сорочку и теплый купальный халат.

Появилась Нелл с подносом:

– Ваш обед, мисс Симмонс. Вы собираетесь ложиться так

рано? Не хотите спуститься вниз и пообедать с нами вместе? В кухне ведь куда приятней, да и теплей. Вы замерзнете здесь наверху совсем одна.

— Не хочу. — Кэрол жестом указала девушке поставить поднос на столик у каминного кресла. — Больше ничего не надо, Нелл.

— Не стоило бы вам так много бывать одной. — Нелл несколько не обиделась, что Кэрол говорила с такими же интонациями, что и леди Августа, когда обращалась к горничной. Ничья сдержанность не могла остудить молодой пыл, исходивший от Нелл; ее широкое розовое лицо выражало только заботу о Кэрол. — Особенно сегодня вечером не нужно бы вам сидеть здесь одной. После похорон и всякого такого.

— Я устала. Я хочу побыть одна.

— Ну тогда ладно, если вы так думаете. Но завтра вы должны прийти на кухню и присоединиться к нам. Мы задумали устроить небольшой пир на Рождество, пока мы все еще тут. И вас приглашаем. Ладно, спокойной ночи, мисс. Спите хорошо.

— Доброй ночи, Нелл.

Как частенько замечала леди Августа, Нелл не знала своего места в иерархии слуг. В высшей степени неуместное дружелюбие девушки леди Августа считала признаком упадка эпохи. Во времена леди Августы прислуга знала свое место. Если бы старая дама слышала приглашение Нелл, она, вероятно, заявила бы, что компаньонка леди не должна полу-

чать приглашение на кухню, чтобы разделить рождественскую трапезу со слугами. Кэрол не полностью разделяла аристократические взгляды леди Августы. Просто ее не интересовали никакие праздники – ни на верхних, ни в нижних этажах дома.

Кэрол села у огня, поставила ноги на скамеечку и взяла тарелку с дымящимся супом. Мисс Маркс была отличной кухаркой. Ограниченность средств, отпускаемых леди Августой на продукты, заставляла ее не опускать руки, а бороться. Кэрол черпала ложкой густой куриный суп с тонко нарезанными грибами и размышляла о том, так же ли хорошо питается прислуга, как она. Подняв куполообразную металлическую крышку над блюдом, она обнаружила внушительную порцию курицы с горохом, нарезанной кубиками свеклой и горсткой риса. Кусок яблочного пирога в сопровождении большого чайника завершал обед.

– Глупая экстравагантность.

Она что же, разговаривает вслух? Нет, конечно. Но кто кроме нее мог сделать это замечание? Все было тихо, только потрескивал огонь в камине. Кухня была слишком далеко, и никакой шум оттуда не мог достичь ее комнаты.

Равно как никто не услышал бы ее криков. Сказав себе, что она действительно сверх меры утомлена, Кэрол не обратила внимания на странный холодок, пробежавший у нее по спине. Она закрыла крышку над блюдом с курицей, чтобы та не остыла, и принялась доедать суп. Конечно, у нее были

основания нервничать, но вовсе не потому, что она была одна на верхнем этаже большого старого дома. Ее дальнейшие перспективы могли встревожить кого угодно. Что ей делать, искать работу в Лондоне? Или потратить немалые деньги, вернуться в Нью-Йорк и попробовать устроиться там? Будучи компаньонкой леди Августы, она самостоятельно научилась печатать и придумала некую простейшую стенографическую систему, так что теперь она могла бы, скажем, вести деловую переписку. Но Кэрол не надеялась, что эти навыки существенно помогут ей в огромном мире за пределами Марлоу-Хаус.

Почему, ради всего святого, родители не обучают своих дочерей уже в юности делать что-нибудь полезное? Мать Кэрол была слишком погружена в общественную жизнь, а отец занят делами и зарабатыванием огромных денег, и они не могли уделять дочери достаточно внимания. Все свое детство и юность Кэрол плыла по течению, без всяких целей и устремлений. От нее требовали только, чтобы она выглядела привлекательной, была вежливой и не создавала родителям проблем. У нее были светло-каштановые волосы, выходящие от природы, ясные серые глаза, округлые формы и довольно спокойный характер, поэтому хлопот с ней не было никаких.

– За все это я теперь расплачиваюсь, – пробормотала она, глядя в тарелку с супом. – Моя жизнь была сплошными каникулами, которые кончились перед самым Рождеством шесть лет тому назад. И что я теперь? Если бы у меня

был миллион долларов! Нет, десять миллионов! Это совсем немного по сравнению с теми деньгами, которые папа зарабатывал для себя и для других.

— И что бы ты с ними сделала?

— Что? Кто это сказал? — Она чуть не пролила суп, резко выпрямившись и оглядывая знакомую комнату. Конечно, она никого не увидела. И слов никаких она не слышала. Просто ветер зашумел в дымоходе. Кэрол опять откинулась на спинку кресла, собрав у горла отвороты халата. Она опустила ложку в тарелку. Если не съесть этот суп сейчас же, он совсем остынет, не говоря уже о курице и овощах. Они все еще ожидали на блюде.

Ветер? Полчаса тому назад было тихо и туманно, моросил дождь. Как мог завывать в дымоходе ветер в такую погоду? И как может он сотрясать дверь ее комнаты, вот как теперь? Кэрол замерла, удивляясь внезапной перемене погоды. Ложка повисла на полпути между тарелкой и ртом. Ветер снова завыл, сотрясая оконные стекла и раздувая на окнах старые выгоревшие занавеси.

А потом у камина появилась леди Августа. Сначала фигура, которую увидела Кэрол, была полупрозрачной, постепенно леди Августа обрела плотность, хотя, как заметила девушка, отсветы огня на нее не падали. Но чем бы ни был этот призрак, породила его тьма, а не свет. И был ли он на самом деле или только мерещится ей? Как зачарованная, Кэрол не могла отвести от него глаз, но страха не испытывала.

Леди Августа выглядела почти так же, как и пять с половиной лет тому назад, когда она была хотя и старой женщиной, но еще не разрушенной болезнью и приближением смерти. Седые волосы, на редкость густые для семидесятилетней старухи, были уложены, как обычно, узлом на затылке. На ней было шифоновое одеяние цвета бледной лаванды, которое развевалось и раздувалось вокруг нее, как бы под действием легкого ветерка.

– Добрый вечер, Кэрол. – Голос тоже был таким же, каким его помнила Кэрол, хотя тембр немного изменился, поскольку смягчились его обычная резкость и раздраженность.

– Что вы здесь делаете? Вы же умерли. – Рука Кэрол дрогнула, бульон пролился на халат. Он был холодный и явно уже не съедобный. Кэрол поставила тарелку на поднос и взглянула на то место, где возникла леди Августа. Она все еще была там.

– Я не верю в привидения, – продолжала Кэрол, стараясь говорить твердо и ровно. – Уходите.

– Если ты не веришь в меня, значит, меня здесь нет. – Логика леди Августы была неопровержима. – Если меня здесь нет, я не могу отсюда уйти.

– Прекрасно, значит, вы – создание моего воображения или послание от моего подсознания. Скажите мне то, что я должна узнать, и уйдите.

– Именно это я и собираюсь сделать. – И, к изумлению Кэрол, леди Августа уселась наискось от камина, там, где не

было никакого стула. Она просто опустила свою призрачную протоплазму и села, раскинув лавандовое одеяние так, будто находилась в своей элегантной гостиной на одном из обитых шелком диванов – своем обычном месте. Когда она уселась, подол ее платья продолжал развеиваться от несуществующего ветерка. Она откинулась на спинку несуществующего дивана. Кэрол это совершенно выбило из колеи.

– Что... что вам нужно? – Голос ее сорвался и прозвучал совсем не так уверенно, как ей хотелось бы. Она с трудом сглотнула и сделала еще одну попытку:

– Вы в самом деле призрак или это мне снится?

– Соберись с мыслями, Кэрол. Плод ли я твоего воображения или сновидение? Разве твое подсознание ничего тебе не говорит? Призрак ли я? Или я реальна? Не могу же я быть всем этим одновременно. – Леди Августа ждала ответа, склонив голову набок.

– Вы забыли еще один вариант, – сказала Кэрол. – Ваше внезапное появление у меня в комнате – злая шутка, которую кто-то хочет сыграть со мной. Может быть, вы – голографическая проекция или что-то в этом роде.

– А кому это нужно? – спросила леди Августа. – Слугам? У них на это не хватит воображения. Кроме того, они к тебе хорошо относятся, хотя я и не понимаю почему. Ты держишься с ними так же неприветливо, как и я. Нет, Кэрол, в глубине души ты знаешь, что я реальна.

– Но вы действительно умерли?

– О да. – Леди Августа улыбнулась. Кэрол не помнила, улыбалась ли она когда-нибудь при жизни. Но, не дав ей прийти в себя от этого нового изумления, леди Августа продолжала:

– Смерть – замечательное ощущение. В каком-то смысле это просто восхитительно. Я не чувствую больше физической боли, и это большое облегчение.

– Рада слышать это. Я знаю, последние дни были просто ужасны для вас.

– Есть вещи пострашней физической боли, – сказала старая дама.

– Не могу поверить в это, – отсутствующе заметила Кэрол. Одна часть ее сознания все еще изучала внешность призрачной гостьи, пытаясь понять, как удаются такие трюки. Даже для спасения собственной жизни она не смогла бы понять, как это сделано, но ведь она мало разбиралась в электронной технологии. Не больше знала она и о том, кому могло понадобиться так подшутить над ней, как верно заметила леди Августа.

– Обрати внимание, Кэрол, – леди Августа возвысила голос, и Кэрол заставила себя думать о том, что говорит призрак. – Как я уже сказала, гораздо хуже любой физической боли – сознание, что ты не выполнила своего жизненного назначения. Так же как и ты, я пережила в молодости разочарование, и мое сердце ожесточилось против жизни и любви.

– Вы ничего обо мне не знаете! – воскликнула Кэрол, вце-

пившись в ручки кресла. — Вы ни разу не поинтересовались, как я жила, прежде чем стала работать у вас. Вы были слишком рады, что обзавелись дешевой компаньонкой, чтобы разузнавать, кто я такая. — Кэрол прикусила язык, с которого готовы были сорваться жалобы на то, как леди Августа общалась с ней в завещании.

— Бедная глупая девочка, — грустно покачала головой леди Августа. — Конечно же, я разузнала все о твоём прошлом. Не думаешь ли ты, что та недоверчивая особа, которой я была при жизни, наняла бы человека, который может ограбить или убить ее в собственной постели? Ты, Кэрол, на самом деле очень наивна и, как и твой отец, слишком малодушна, чтобы нанести ответный удар, когда жизнь стукнет тебя по голове.

— Не смейте оскорблять моего отца! Он был честный человек.

— Да, конечно, и теперь он сожалеет, что покончил с собой в минуту слабости.

— Теперь? Вы познакомились с моим отцом? В этом... этом... там, где вы сейчас находитесь?

— Там, где я сейчас нахожусь, — ответила леди Августа, — там все понимают, все прощают. Хотя ошибки, совершенные на земле, требуется исправлять. Да, я общалась с твоим отцом и знаю все, что нужно знать, о твоей юности. От всей души желала бы, чтобы ты не позволила этому молодому эгоисту извлекать для себя выгоды из вашей любви. Он совершенно не знал тебе цены.

– Замолчите! Сейчас же замолчите! – Кэрол подскочила к леди Августе, словно собиралась ей угрожать. – Я не хочу говорить о Роберте.

– Конечно, не хочешь. Ты убедилась на горьком опыте, что было ошибкой впускать его к себе в сердце. Роберт Драммонд любил не тебя, а деньги и положение твоего отца. Никто никогда не любил тебя самое.

– Прекратите! – Кэрол дрожала от ярости. Одного упоминания имени Роберта Драммонда было достаточно, чтобы кровь ее похолодела, словно тень от этого давнишнего предательства все еще могла омрачать ее жизнь.

– Я вижу, что огорчаю тебя, – сказала леди Августа. – Возможно, об этом вообще не стоило говорить. Боюсь, я еще не совсем избавилась от своей бестактности. Нужно постараться и избавиться от нее. Сядь, пожалуйста, милочка, и не смотри так, будто хочешь меня убить. Ты же понимаешь, что не можешь причинить мне никакого вреда.

Кэрол, все еще злая и неудовлетворенная необычным для ее покойной хозяйки извинением, хотела схватить леди Августу за руку. Но ее протянутая рука свободно прошла сквозь тело сидящей леди. Испуганно вскрикнув, Кэрол отдернула руку, которая похолодела так, будто ее окунули в ледяную воду.

– Вы не существуете, – упрямо заявила Кэрол.

– Существую, – возразила ее призрачная гостья. – Но существую таким образом, который будет непостижим для те-

бя еще много лет. Сядь, Кэрол, и дай мне объяснить, зачем меня к тебе послали.

– Послали? – Кэрол села, не сводя глаз с леди Августы.

– Как я уже сказала, я провела свою земную жизнь в ску-
пости, раздражительности и злобном нежелании понимать
кого-либо. А должна я была любить, а также делать людей
счастливыми при помощи своих денег.

– Вот именно, – ответила Кэрол с некоторой долей циниз-
ма. – Об этом я все знаю. Если у тебя есть деньги и ты скло-
нен их тратить, тебя все любят. Мне еще не было двадцати
одного года, а я уже это усвоила. Но это не настоящая лю-
бовь. Люди притворяются – вроде как Роберт – и думают,
что им удастся наложить лапу на ваши деньги. Я восхищаюсь
вами, леди Августа, потому что вы не позволяли подобным
паразитам использовать вас.

– Я вижу, что тебе нужно многому научиться, – грустно
поглядела на нее старая дама. – Не все люди интересуются
только деньгами. Ты должна понять, что главное – сердце и
дух, а не земное имущество, Кэрол. Неужели ты никогда не
спрашивала себя, почему ты так несчастна?

– Я это знаю, – ответила Кэрол, – и раз уж вы знаете всю
мою жизнь, нет надобности это объяснять. Отчасти и вы в
этом виноваты.

– Потому что я не оставила тебе денег? – Леди опять улыб-
нулась призрачной улыбкой. – Да, я была очень скупа ко
всем, кто у меня работал. Теперь я за это расплачиваюсь.

– Вот и чудно, – отозвалась Кэрол злобно, – поделом вам. Вы были чудовищно несправедливы ко мне.

– Ты можешь помолчать и выслушать меня или нет?

– Говорите. – Кэрол старалась подавить гнев, все еще кипящий в ней и угрожающий прорваться в любой момент. – Что вы хотите сказать?

– Спасибо. – Леди Августа наклонила голову с изяществом герцогини. – Поскольку я прожила жизнь, никого не любя, я обречена скитаться целую вечность на земле, созерцать счастье, которое я не могу разделить, и быть свидетелем бедности, которой теперь уже не могу помочь.

– При жизни вас мало беспокоила проблема помощи беднякам. Стало быть, и теперь она не должна вас занимать.

– Она меня занимает. Видишь ли, переход из вашего измерения в мое теперешнее состояние очень меняет человека.

– Наверное, это так. – Кэрол невольно заинтересовалась этим неожиданным поворотом мысли.

– Сердце, которое некогда было жестоким и равнодушным, преображается, – продолжала леди, – и я страдаю от неосуществленной любви. Но мне не на кого направить ее. Я вижу бедность и несправедливость, я хотела бы помочь, но ведь теперь я в ином мире и не могу использовать свое состояние для добрых дел. Эту возможность я навсегда упустила.

– Вы могли бы оставить деньги на благотворительность и вашей прислуге. Вам было бы теперь легче. Но сейчас уже

поздно изменять завещание.

– Вот именно, – кивнула леди Августа. – Я рада, что ты это понимаешь. Слишком поздно – для меня, но не для тебя. Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь страдала так, как я сейчас. Более того, милая, с твоей помощью я могу достичь вечного блаженства.

– Это вы о чем?

– Мне поручили заниматься тобой. Если я смогу сделать так, что ты изменишь свой жесткий взгляд на жизнь, откроешь сердце для любви, милосердия и красоты, – короче говоря, если я смогу превратить тебя – с собой я не смогла этого сделать – в человека щедрого и любящего, мои скитания по земле прекратятся и я займу надлежащее место в ином мире.

– Увы, – начала Кэрол, подняв руку, чтобы остановить поток этих страстных слов, – увы, сей сюжет я видела в каком-то старом кино. А также читала рождественский рассказ на эту тему. Это что-то вроде плановой работы, да? И чей же это план? Вот чего я никак не пойму.

– А от кого, ты думаешь, создатели этих старых фильмов и книг получили сюжетные линии, как не от Величайшего Планировщика? Эти истории остаются в сердцах простых людей потому, что добрые души узнают в них вечные истины. Это не игра, Кэрол, и не трюк. То, что я тебе говорю, – правда, но она слишком проста и очевидна, и твой замкнутый и ограниченный земной ум не может этого усвоить. В

свое время, предоставленная самой себе, ты поймешь – как поняла это я, – что главное в человеке – любовь, милосердие и добрая воля по отношению к тем, кого ты встречаешь. Но тогда уже будет поздно пытаться изменить ту вечную жизнь, которую ты себе уготовила. Но как бы то ни было, ты не можешь остановить то, что сейчас произойдет.

– Произойдет сейчас? – повторила Кэрол недоверчиво. – Что вы имеете в виду? Что вы хотите делать?

Так вот, – леди Августа словно и не слыхала слов Кэрол, – именно это время, с зимнего солнцеворота до двенадцатой ночи, мне дано для того, чтобы обратить тебя к лучшей жизни.

– Не люблю слова «обратить».

– Неважно. Называй это как хочешь. Изменить, преобразовать, трансформировать, трансмутировать – что ты предпочитаешь. Мне все равно. Считая по вашему земному времени, до рождественского сочельника остается три ночи, чтобы начать нашу работу. Окончательная перемена произойдет позже и будет делом только твоих рук.

– Вы хотите сказать – «вашу работу», – заметила Кэрол. – Надеюсь, вы не ждете моей помощи в осуществлении вашего проекта? Я не люблю пожертвований. И настроение у меня отнюдь не рождественское. – Оно будет рождественским, когда я все сделаю. – Бледное лицо леди Августы посерьезнело. – Обязательно будет, Кэрол, ибо будущее моей души зависит от твоего преображения. Борись изо всех сил с тем, что

будет происходить. Если перемены в твоей душе произойдут в результате борьбы, они будут более значительны. В моем мире, как и в вашем, не ценят того, что дается с легкостью.

Леди Августа встала, ее одеяние развевалось вокруг нее, хотя Кэрол по-прежнему не замечала никакого ветра. Старая дама протянула руку, но Кэрол отпрянула в глубину кресла.

– Никуда я с вами не пойду, – заявила Кэрол.

– Я не могу предоставить тебе право выбора, чтобы ты не отказалась от возможности, которая никогда больше не представится ни тебе, ни мне. Ты обязательно пойдешь со мной, Кэрол, и отдашь всю себя – и сердце, и душу, и ум – тому, что будет с тобой. Начнем же!

Леди Августа широко развела руки. Полы ее развевающегося одеяния взлетели навстречу Кэрол, вцепившейся в подлокотники кресла. Девушка твердо решила не принимать участия в том, что по-прежнему считала либо комедией, либо трюком. Лавандовые шелка реяли все ближе и ближе, обвиваясь вокруг кресла, пока Кэрол вместе с креслом не оказалась полностью закутанной в дымчатую тонкую ткань.

– Не надо! – Кэрол вцепилась ногтями в эту ткань, отчаянно сопротивляясь, боясь задохнуться в бледной дымке, пропитанной запахом лаванды, окрашенной в цвет лаванды. – Перестаньте! Пустите!

– Сопротивляйся как хочешь. – Леди Августа обняла ее. – Случится то, что должно случиться. Я тебя не оставлю. Я буду рядом.

– Я не хочу! Уходите, откуда пришли! – кричала Кэрол, все еще пытаясь отбросить ткань от лица. Она не могла вздохнуть, запах лаванды был так силен, что она задышалась, и ей стало так страшно в холодных объятиях леди Августы, что сердце почти перестало биться. Никогда в жизни ей не было так холодно. Холод был просто могильный. Она закричала...

ЧАСТЬ 2

РОЖДЕСТВО В ПРОШЛОМ

Глава 2

Лондон, 1818

– Кэролайн, дорогая, проснись. Как ты можешь спать в такой чудесный вечер?

– Кто... что? – Кэрол отбросила последние обрывки дымки, пахнувшей лавандой, в глубину сознания, чтобы понять, кто это говорит с ней. Голос был какой-то знакомый.

– Дорогая сестрица, ты задремала. – Молодое личико, обрамленное короткими завитками бледно-золотых волос, появилось перед растерявшейся Кэрол.

– Задремала? – повторила Кэрол и добавила, вспомнив:

– Нет, это затеи леди Августы.

– О Боже мой! – прожурчал голосок хорошенькой девушки. Склоняясь над Кэрол, она с трудом подавляла смех. – Неужели тетя Августа приготовила свои любимые целебные травы и дала тебе снотворного? Ведь ты должна не спать, а быстрее готовиться к балу!

– Тетя? – повторила Кэрол. – Какой бал?

– Рождественский бал, глупышка. Да проснись же, Кэро-

лайн, ведь пора одеваться, а ты обещала, что только я буду тебе помогать. Выбирайся же из своего кресла скорее!

Кэрол ничего не оставалось, как подчиниться. Кресло с подушечкой на спинке было то самое, только обитое другой тканью, кресло, в котором она сидела за своей одинокой трапезой и позже – беседуя с призраком леди Августы. Но комната, в которой она теперь находилась, была совершенно другая. Это была роскошно обставленная, красивая и просторная комната, с бледно-голубыми обоями и богатым белым карнизом, шедшим по периметру потолка. По верху стенных панелей шел карниз попроще. В камине горел яркий и жаркий огонь, на широкой каминной полке пылали свечи; свечи горели и на столах, и в стенных канделябрах. А прежняя зеленая обивка на кресле превратилась в парчу ярко-голубого цвета.

– Все-таки тетя Августа права, – сказала белокурая девушка, приподнимая подол вечернего платья, лежащего поверх голубого покрывала на широкой, увенчанной балдахинном кровати. – Персиковый цвет тебе идет больше, чем белый.

Само же это очаровательное создание было одето в белое платье с высокой талией, низким округлым вырезом и рукавичками-буфами. На шее висел простой медальон на тонкой золотой цепочке, а серьги были из маленьких жемчужинок со свободно свисавшими жемчужинами-капельками. На личике у нее не было, кажется, и следа косметики. Хотя Кэрол

никогда не видела эту девушку, она почувствовала, что любит ее, давно ее знает и что девушка играет важную роль в ее жизни.

– Снимай свой капот, – сказала девушка, берясь за пояс на талии Кэрол.

Взглянув вниз, Кэрол увидела, что на ней уже не было старого купального халата и фланелевой ночной рубашки. Вместо этого она была одета в бледно-желтое шелковое одеяние с кружевными оборками. Она позволила девушке снять его с себя и с изумлением увидела незнакомое белье. Вышитая льняная сорочка покрывала легкий корсет, в который были вставлены какие-то тонкие планки. Прозрачные чулки персикового цвета держались у колен на подвязках. На ногах были плоские туфли нежного персикового цвета.

– Вот, пожалуйста! – Девушка подвела Кэрол к кровати. – Подними руки. Теперь осторожней. Оно очень тонкое, а мы ведь не хотим его порвать.

Кэрол следовала указаниям молодой девушки без всякого сопротивления. Она стояла не шевелясь, а облако прозрачной бледно-персиковой ткани окутало ее голову, опустилось на плечи и упало до полу. С необычайной быстротой помощница Кэрол застегнула мелкие пуговицы на спине. Потом легкими прикосновениями привела все в окончательный порядок.

– Вот. Разве я не замечательная горничная? Дорогая, ты никогда еще не была такой хорошенькой. Монфорт будет

восхищен. Посмотри на себя.

– Монфорт?

Девушка повернула ее за плечи, и Кэрол посмотрела в высокое зеркало, стоящее в углу. То, что она увидела в этом зеркале, ее потрясло.

Лицо было ее, но каштановые волосы, говорить, чтобы не нести лунатический бред. Девушка в белом платье опять рассмееялась:

– И то и другое, ты же прекрасно знаешь. Мы трое и Монфорт договорились об этом. И нужно сказать, что тетя Августа очень хорошо все устроила: так много цветов и лучшие музыканты! Ну и потом, ей нравится Монфорт. Клянусь, она сама вышла бы за него, будь она помоложе.

Монфорт. Кэрол закусила губу. Эта хорошенькая девушка права: у нее действительно появилась привычка повторять ее слова. И только одно имя помогло ей понадеяться на то, что она сможет найти какой-то смысл в этой путанице.

– Тетя Августа? – переспросила она.

– Да. Она хочет оглядеть тебя, когда ты будешь готова. Держи. – И девушка взяла с кровати пару длинных белых перчаток и подала их Кэрол. Они доходили почти до плеч. Девушка помогла застегнуть пуговики.

– Теперь веер.

Эта принадлежность туалета была сделана из шелка персикового цвета, расписанного изящными цветами и листьями и натянутого на пластинки из слоновой кости.

– Ты пойдешь со мной? – Кэрол не знала, что лучше – чтобы девушка пошла с ней или чтобы она осталась здесь. Если тетя Августа – это та самая леди Августа, которую Кэрол знала и которая создала всю эту путаницу, Кэрол с удовольствием предстала бы перед ней, не беспокоясь о том, что ей говорить. С другой стороны, если это не леди Августа, Кэрол нужна поддержка этой девушки, которая, судя по всему, очень ее любит.

В этой юной особе было что-то мучительно знакомое, как будто Кэрол когда-то видела и слышала ее во сне или, может быть, мельком встречалась с ней в далеком прошлом. Кэрол попристальней посмотрела на девушку, жалея, что никак не рискнет спросить ее имя, но уместно ли устанавливать личность собственной сестры? Особенно если учесть, что Кэрол прекрасно знала – девушка ей не сестра. При мысли об этом Кэрол почувствовала что-то вроде сожаления. Совсем неплохо иметь такую сестру.

– Меня она уже осмотрела, – сказала девушка в ответ на вопрос Кэрол. – Иди одна. Я скоро приду. Хочу еще раз пройтись щеткой по волосам, чтобы выглядеть наилучшим образом.

– На тот случай, если лорд Симмонс появится на балу? Ласковое поддразнивание, прозвучавшее в ее голосе, поразило Кэрол. В ее голосе слышится нежность!

– О да, я надеюсь, что он придет. – Мягкие голубые глаза засияли, нежные юные губы тронула робкая улыбка. – Если

да, он пригласит меня на вальс.

– Да, тут есть из-за чего волноваться. И, сознавая, что она не может больше оставаться в этой комнате и оттягивать момент встречи с «тетей Августой», Кэрол вышла в длинный холл, освещенный свечами, горящими в настенных канделябрах.

Холл был ей незнаком, но она пошла туда, где свет был ярче, и вдруг узнала это помещение. Помогла лестница. Нельзя было не узнать этот красивый разворот ступеней и перил, коль скоро ты проходила здесь вверх и вниз по несколько раз за день в течение пяти с половиной лет. А впереди, в нескольких шагах, была дверь, ведущая в комнаты леди Августы. Глубоко вздохнув, Кэрол подошла к этой двери и постучала, надеясь, что не ошиблась. Дверь тотчас же отворила женщина средних лет в черном платье и белом переднике.

– Кто это? – спросил знакомый голос из глубины комнаты.

– Я, – ответила Кэрол, проскальзывая мимо служанки.

Убранство комнаты изменилось. На стенах – белые и кремовые панели, на высоких окнах – бледно-зеленые занавеси из тафты, на кровати – гармонирующие с ними занавеси, – но это определенно та же самая комната, в которой бывала Кэрол, служа у леди Августы в компаньонках. Женщина, сидевшая у туалетного столика перед шкатулкой с драгоценностями, явно походила на ту леди Августу, которую Кэрол знала прежде.

– Войдите и покажитесь мне, – велела леди Августа. – Мэ-

ри, вы можете идти. Я позову вас, когда будет нужно.

– Ой, мадам. – Сделав реверанс, служанка исчезла в дверях, оставив Кэрол наедине с женщиной, которую она считала призраком. А может быть, несмотря на сходство, это вообще не был тот призрак, что явился к Кэрол в начале этого вечера? Кэрол решила быть осторожней.

– Добрый вечер, леди Августа. Услышав это приветствие, женщина за туалетным столиком подняла брови.

– В этом доме в этом веке тебе лучше называть меня тетей Августой. В противном случае все, кого ты знаешь, будут удивлены.

– А вы действительно та, за кого я вас принимаю? – спросила Кэрол. – Если так, то должна сообщить вам: я больше не желаю играть в эту игру, которую вы затеяли.

– В чем дело, Кэрол?

Услышав свое настоящее имя, Кэрол облегченно вздохнула, а потом разозлилась:

– Как вы смеете бросать меня одну, без всякой помощи, с девушкой, которая считает меня сестрой? Если бы у меня не хватило ума сохранять спокойствие и слушать, вместо того чтобы рассказать все, что я знаю, эта бедняжка потеряла бы рассудок. Как, по-вашему, воспримет она мое заявление, что я – жертва садистического трюка, который устроило привидение?

– Но ты не стала ее пугать, рассказывая правду, не так ли? Интересно почему. Может ли быть, что ты почувствова-

ла некий проблеск сестринской нежности к этой девушке?

– Не надейтесь, – ответила Кэрол, – она для меня ничто. Кстати, как ее зовут? И почему она упорно зовет меня Кэрол-лайн?

– Если она ничего не значит для тебя, зачем тебе знать ее имя?

– Вы перенесли меня сюда против моей воли, – сказала Кэрол, – и, видимо, отождествили меня с другим человеком. На мне одежда вроде той, которую могла носить какая-нибудь героиня Джейн Остин, а девушка, называющая меня своей сестрой, заявляет, что сегодня званый вечер в честь моего обручения. Я даже не знаю, кто мой жених! Если вы не хотите, чтобы я при гостях совершила какую-нибудь ужасную ошибку, которая смутит вас или эту бедняжку в соседней комнате, расскажите мне побольше.

– Что мне надеть вечером, рубины или сапфиры? – спросила леди Августа. – Думается, к этому темно-синему подойдут сапфиры, но я вовсе не хочу затмевать тебя на твоём празднике. У тебя замечательное ожерелье, не так ли? Я помню, покойная матушка Монфорта часто его надевала. Ты знаешь, что это была одна из моих лучших подруг?

– Нет, – от раздражения Кэрол даже скрипнула зубами, – не знаю. Откуда мне знать?

– Да? – Леди Августа приподняла два ожерелья, одно из которых сияло рубинами и бриллиантами, другое – тяжелая золотая цепь – сверкало тремя крупными сапфирами в золо-

той оправе, усыпанной бриллиантами. – Так как ты думаешь, какое мне надеть?

– Наденьте эти чертовы сапфиры. Только расскажите мне то, что я должна знать, чтобы не свалить дурака на балу, на котором ожидается мое появление. А еще лучше – отошлите меня обратно, где мне следует быть.

– Ты до крайности нетерпелива. – Она приложила к груди сначала одно, потом другое ожерелье, глядя на свое отражение в настольном зеркале. – Думаю, ты права. Хорошо, пусть будут сапфиры. – Она застегнула ожерелье, встала и подошла к Кэрол. – А ты и находишься там, где тебе следует быть. Сейчас 1818 год. Ты живешь в Марлоу-Хаус, как это и было в то время.

– Кто же я? – вскрикнула Кэрол.

– Леди Кэрлайн Хайд. Твоя младшая сестра – леди Пенелопа. Вы всегда были очень дружны и стали еще дружнее с тех пор, как ваши родители погибли в дорожной катастрофе четыре года тому назад. Эти годы я, на правах тетки, слежу за вашим образованием и руковожу вами в обществе. Тебе повезло сделать одну из лучших партий в этом сезоне, хотя в свои двадцать четыре года ты считаешься староватой для подобной удачи. Ты выходишь за Николаса Марлоу, графа Монфорта, который, по случайному совпадению, приходится дальним родственником моему покойному мужу.

– Он имеет какое-нибудь отношение к Николасу Монфорту, который приходится вам племянником? – Имя Монфор-

та Кэрол повторила особенно старательно.

– Который будет моим племянником в будущем веке, – поправила леди Августа. – Мой будущий племянник – прямой потомок лорда Монфорта.

– Но тогда люди, о которых вы говорите, совершенно реальны? – Кэрол помолчала, размышляя, потом продолжала:

– Значит ли это, что вы и я обитаем в телах других людей? Если так, то где теперь личности этих людей? Что вы сделали с леди Кэролайн? И с ее теткой?

– Пока мы находимся в этом времени, ты и леди Кэролайн, я и покойная леди Августа – одно и то же. Можешь не бояться за их безопасность. Тот, кто послал меня с этой миссией, не допустит, чтобы мы чем-нибудь повредили этим женщинам. При этом чувства, которые ты будешь испытывать, будут ТВОИМИ чувствами. То есть в конечном счете цель нашего посещения прошлого – расшевелить чувства, которые давно в тебе умерли, вызвать чувства, которых ты у себя и не предполагала.

– Эта затея представляется мне совершенно безнравственной, – заявила Кэрол, ничуть не укрощенная полученным объяснением, которое ее практическому уму показалось бессмыслицей. – Разве я не могу разрушить всю жизнь леди Кэролайн, если сделаю какую-нибудь глупость и ее жених расхочет на ней жениться?

– На этот счет можешь не волноваться. Монфорт не расторгнет помолвки. И пока ты здесь, ты никоим образом не

сможешь изменить общий ход событий, разве только откроешь, что ты из будущего.

– Вы уверены? – Кэрол вспомнила научно-фантастический роман, в котором рассказывалось, как самые незначительные перемены в прошлом вызвали огромные перемены в будущем.

– Полностью. Хотя я и рада слышать, как ты выражаешь озабоченность судьбами людей, которых даже не знаешь. Уверяю тебя: все, что от тебя требуется, – это молчать о своем происхождении, держать глаза, уши, а главное – сердце широко открытыми и плыть по течению.

– Плыть по течению? – Кэрол удивленно рассмеялась. – Вот уж не подумала бы, что могу услышать от вас такие слова.

– Да, не правда ли? – На мгновение леди Августа выглядела очень довольной собой, потом снова стала деловитой:

– Слушай внимательно, Кэрол, ибо, прежде чем начнется бал, тебе нужно многое узнать, а Пенелопа может войти в любую минуту. Ты увидишь, что дом несколько изменился. Настоящий Марлоу-Хаус вдвое больше того, который ты знаешь. Его перестроили после второй мировой войны и превратили в два дома, с тем чтобы второй дом можно было сдавать.

Затем последовал залп сведений о семействах Марлоу и Монфорт, какими они были в начале XIX века, одновременно с перечнем строгих правил этикета того времени. Через

десять минут Кэрол воскликнула:

– Не думаете ли вы, что я смогу все это запомнить?

– Если запутаешься, советую глубоко вздохнуть, расслабиться и позволить инстинктам леди Кэролайн руководить собой.

– Это безумие! Вы же знаете это, не так ли?

– Мне это кажется совершенно несложным. – Эти слова старой дамы прозвучали несколько самодовольно.

Леди Августа повернулась к зеркалу, чтобы надеть сапфировые серьги, подходящие к ожерелью. Затем последовал золотой браслет с сапфирами, надетый поверх белой перчатки. Разведя руки, леди Августа опять повернулась в Кэрол:

– Как я выгляжу? Обожаю модные картинки этого времени. Высокая ампирная линия талии разрешает проблемы с фигурой, которые неизбежно возникают перед женщиной среднего возраста.

– По вашему поведению не скажешь, что вы в отчаянье пытаетесь спасти свою душу. Мне кажется, вам все это очень нравится! – Кэрол оглядела высокую стройную фигуру в темно-синем платье.

Огонек, вспыхнувший в глазах леди Августы, заставил Кэрол сильно смягчить слова, которые готовы были сорваться с ее языка и которые она считала себя вправе произнести, если учесть, что с ней сделали против ее воли.

– Вы выглядите прекрасно. У вас изменился цвет волос. Они теперь не совсем седые, скорее соль с перцем. Леди Ав-

густа, то есть тетя Августа, вы уверены, что сегодня вечером я не сделаю какой-нибудь дурацкой ошибки?

— Я совершенно уверена, милочка. — Услыхав легкий стук в дверь, леди Августа посмотрела поверх плеча Кэрол. — А вот и Пенелопа. Вы опаздываете, мисс. Спускаемся вниз? Скоро начнут съезжаться гости.

Когда она сходила по лестнице, Кэрол поняла, что имела в виду леди Августа, сказав, что Марлоу-Хаус изменился. Входной холл с черно-белыми мраморными плитами, расположенными в шахматном порядке, был в два раза больше, чем тот, который помнила Кэрол. С одной стороны холла была приемная, куда вела широкая дверь в виде арки, которой уже не существовало во времена появления Кэрол в этом доме в XX веке. За приемной был большой зал, сверкающий великолепием кремовых стен, багетом из позолоченных лепных листьев, зеркалами и канделябрами, украшенными по случаю праздника зеленью и пылающими сотнями тонких восковых свечей. Вдоль стен стояли золоченые стулья для пожилых дам и для нетанцующих гостей. Паркетный пол был навощен и натерт до блеска.

Двойные двери в конце зала вели в огромную столовую, где должны были подать поздний ужин. Еще одна комната была уставлена столиками для карточной игры. За столовой, в той части дома, которую Кэрол хорошо знала, библиотека давала возможность уединиться и отдохнуть тем, кто устал от толпы. Позади дома был большой сад, окруженный сте-

ной.

Рассматривая дом, еще не подвергшийся перестройке, Кэрол поняла, почему она не узнала верхний холл. Спальня леди Кэролайн помещалась именно в той половине здания, которой уже не существовало во времена Кэрол.

– Какая жалость, что все это не сохранится, – тихо сказала она леди Августе.

– Налоги, – так же тихо, но решительно ответила та. – Налог на наследство моего деда. Посягательства современной жизни на старинные привилегии. Жаль, я согласна с тобой, тем более что впоследствии мой отец нажил огромное состояние, и оно позволило бы ему сохранить дом в прежнем виде. Впрочем, в конце двадцатого века никто не устраивает больших балов. – И, понизив голос, леди Августа добавила:

– Кэролайн, кажется, идет ваш жених.

– Я не могу... я не готова...

– Готова или нет – вот он. Добрый вечер, Николас.

– Миледи. – Николас Марлоу, граф Монфорт, склонился над рукой хозяйки, затем поцеловал ее в щеку.

– Чем целовать такую старуху, как я, лучше бы поцеловали Кэролайн. – И леди Августа легко ударила его по руке сложенным веером.

– С удовольствием, миледи. – Монфорт повернулся к Кэрол, устремив на нее блестящие глаза.

От этого взгляда у Кэрол закружилась голова. Монфорт был высок, широкоплеч, тонок в талии. Черный вечерний

костюм был сшит у хорошего портного в том строгом стиле, который ввел в моду лорд Бруммель. Черные вьющиеся волосы были коротко подстрижены, нос аристократически удлиннен, а рот, казалось, был создан для улыбки. Или для поцелуев.

Взяв Кэрол за руку, обтянутую перчаткой, он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, как велела леди Августа. Кэрол уловила запах лимонного одеколона.

– Пожалуйста, попробуйте улыбнуться, – прошептал он ей на ухо, – я же не чудовище.

Она чувствовала на своей руке силу и жар его пальцев, проникавшие через безукоризненно белую лайку его перчатки. Он выпрямился.

Кэрол смотрела на него не отрываясь, не в силах заговорить.

– Как романтично! – воскликнула Пенелопа, прижав руки к груди. – При виде жениха моя чувствительная старшая сестрица потеряла дар речи!

– Здравствуйте, милочка Пенни! – улыбнулся Монфорт будущей сестре. – Увидев вас сегодня, все молодые люди просто впадут в любовное исступление! – И он потрепал засмеявшуюся Пенелопу за подбородок.

– Монфорт, – остановила его леди Августа, – я буду вам весьма признательна, если вы переключите ваше внимание на мою старшую племянницу. Разумеется, в том случае, если вы не собираетесь заводить гарем.

— Ах, тетя Августа, какая возмутительная идея! — вскричала Пенелопа, все еще продолжая смеяться. — Я уверена, что для Монфорта не существует никого, кроме Кэролайн.

— Никого, уверяю вас. — Никола взял Кэрол под руку. — Если бы я сделал предложение вам. Пенни, полагаю, вы отказали бы мне и тем разрушили бы мне сердце. Если не ошибаюсь, ваши пристрастия отданы молодому Симмонсу, который, как я понял, прибудет на бал с твердым намерением протанцевать с вами вальс.

Личико Пенелопы покрылось густым румянцем, но Монфорт этого не заметил. Его внимание было устремлено на Кэрол, и, как ей показалось, вовсе не потому, что он был поражен ее прелестью. В его взгляде было нечто преднамеренное.

— Кэролайн, вы как будто чем-то расстроены? Что-то случилось?

— У меня просто немного кружится голова от волнения.

На самом же деле Кэрол думала о том, каковы на самом деле чувства этого человека к леди Кэролайн Хайд. Ей было ясно, что леди Августа была просто очарована им, а его слегка насмешливое обращение с Пенелопой выражало лишь нежность к будущей свояченице, невинной девушке, к тому же много моложе его. Но каковы отношения Кэролайн и лорда Монфорта, этого она не понимала. Жаль, что она не спросила у леди Августы, получила ли Кэролайн Хайд наследство от родителей и богат ли Монфорт.

– Я счастлив, что вы надели мое ожерелье, мой подарок.

Монфорт смотрел на жемчуг и сапфировую застежку, потом его глаза скользнули ниже, к глубокому вырезу ее платья, и Кэрол почувствовала, что он наслаждается запахом ее кожи. Она ощутила легкое дрожание его руки, на сгибе которой все еще лежали ее пальцы. Эта дрожь передалась и ей.

«Боже, – подумала Кэрол, – во что меня втянула эта леди Августа! Как я буду сопротивляться этому человеку, если он решит, что его невеста должна принадлежать ему до свадьбы? Или Монфорт и леди Кэралайн уже любовники? Да какое мне дело? Эти люди ничего для меня не значат».

Но долго раздумывать ей не пришлось. Стали прибывать гости. Леди Августа повела племянниц в приемную, где они стали в ряд, чтобы встречать тех, кто приехал поздравить обрученных. Монфорт стоял между леди Августой и Кэрол, по другую руку Кэрол стояла Пенелопа. Кэрол была не в восторге от такого расположения, поскольку леди Августа не могла потихоньку информировать ее о тех, кого она должна была приветствовать, а ведь предполагалось, что большинство из них она знает в лицо. Кэрол нашла выход в вежливой болтовне – точно такая же болтовня звучала на званых вечерах с коктейлями, которые когда-то устраивали ее родители.

С каждой минутой Кэрол все сильнее ощущала присутствие мужчины рядом с собой, и в то же время она слушала – с вежливой улыбкой и несколько невнимательно – пожилого джентльмена, которого Монфорт называл лордом Фелло-

нером. Он сообщил ей, что погода для этого времени года была чересчур холодна. По подагрической боли в большом пальце на ноге, сказал лорд Феллонер, он может предсказать, что еще до Рождества будет сильный снегопад.

– Бог мой, – сказала Кэрол старому лорду, – я была так занята в последнее время, что совершенно забыла о числах. Сколько же осталось до Рождества?

– Еще ровно три дня, – последовал ответ, – держу пари, что Монфорт задумал для вас какой-то особенный подарок. Ха-ха-ха! Я-то знаю, что подарил бы вам, будь вы моей невестой.

Кэрол стоило многих усилий не покраснеть от этих слов, и она старалась не смотреть на Монфорта, чтобы не видеть, как он на них реагирует. Вместо этого она протянула руку следующему гостю, шедшему вдоль их ряда. Гостей было очень много, и ей показалось, что она упадет в обморок от окончательного изнеможения прежде, чем все они пройдут через приемную в зал. Она подумала, что лицо у нее станет морщинистым от бесконечных улыбок.

По крайней мере, ей не нужно было почти ничего делать, чтобы не поставить в неудобное положение ни себя, ни кого бы то ни было. Первое серьезное затруднение возникло, когда настало время открывать бал в паре с женихом. Монфорт взял ее за руку и, не сказав ни слова, повел по блестящему полу на середину бального зала.

– Надеюсь, это вальс, – сказала Кэрол, раздраженная его

долгим молчанием и боясь того, что может произойти через несколько минут.

– Вы прекрасно знаете, что любой бал открывается менуэтом, – холодно сказал Монфорт. – Музыка менуэта выбрали, как мне кажется, несколько дней тому назад.

– Если это так, то мне ничего не сказали. Кэрол не трогалась с места, и глаза всех гостей устремились на нее. Она не умела танцевать менуэт. Какие еще танцы были популярны в эту эпоху, она тоже не знала. Ей представились сложные па и запутанные фигуры, и она поняла, что будет выглядеть совершенно по-идиотски, если попытается танцевать. Жених ее, вероятно, будет недоволен. Но вот вальс танцевать она умела.

– Кэролайн. – Глаза Монфорта потемнели от гнева, и она убедилась, что ему нет никакого дела до леди Кэролайн Хайд. Он женится не по любви, а по какой-то другой причине. Не нужно заглядывать в свое далекое прошлое, чтобы понять, что это за причина. Она выпрямилась, вздернула подбородок и посмотрела ему в глаза.

– Я буду танцевать вальс, или я вообще не буду танцевать. Это бал в честь МОЕЙ помолвки. Я открою его так, как хочется мне.

Она увидела, что он пришел в бешенство. И еще кое-что она увидела. В глубине его глаз промелькнула насмешка и что-то вроде уважения.

– Миледи, а не попытаетесь ли вы изменить также текст

клятвы, которую мы будем давать перед алтарем?

– Там видно будет. Я говорю сейчас не о том, что будет дальше.

– Неужели? – Несколько мгновений Монфорт изучал ее лицо, потом повернулся на каблуках и пошел прочь.

Кэрол замерла, не зная, что делать, опасаясь, что он решил бросить ее одну среди зала. Монфорт что-то сказал лакею, а тот поспешил к хорам, где расположился оркестр. Потом, к великому облегчению Кэрол, Монфорт подошел к ней:

– Если вы изволите подождать, пока музыканты переменят ноты, они сыграют вальс.

– Благодарю, милорд.

Кэрол старалась, чтобы ее голос звучал ровно и не дрожал. Заиграла музыка, сильные руки обхватили ее. Теперь она должна была слушаться его, но делала она это с удовольствием – он был прекрасный танцор.

– Вы меня поражаете, – сказал Монфорт, кружась с ней по залу.

– Чем же, милорд? – Кэрол решила, что самым безопасным будет придерживаться прохладного, независимого тона. С первой же минуты их встречи она поняла, что Монфорт опасен для нее. Если она не поостережется, он может поколебать душевное равновесие, которое она обрела с великим трудом после того, как любимый человек нанес ей такую рану. Давным-давно она поклялась, что никогда больше не допустит этого в свою жизнь. Даже если размякнет и позволит

себе какие-то чувства к мужчине, было бы чистым безумием давать волю этим чувствам в подобной ситуации.

– Я думал, что хорошо знаю вас, – ответил Монфорт на ее вопрос, – но сегодня вас как будто подменили.

– Как это, милорд?

– До этого времени вы никогда ничего от меня не требовали.

– Возможно, мне нужно было сделать это гораздо раньше. Если время от времени предъявлять человеку какие-либо требования, это будет полезно для его души.

Кэрол заметила, что уголки его губ начали приподниматься в улыбке, но он быстро подавил свою веселость и заговорил очень строго:

– Я полагал, что найду в вас такую покорную жену, как мне нужно, которая принесет мне приданое и не будет вмешиваться в мою жизнь.

«Ах ты несчастный самец, шовинист свинячий!» – она чуть не произнесла этого вслух, но вовремя остановила себя. Конечно, он и самец и шовинист: в начале XIX века все мужчины были такими, и особенно английские аристократы, свято верившие, что мир принадлежит им. Наверное, у него есть парочка любовниц, для которых он снимает хорошенькие квартирки здесь же, в Лондоне, он будет навещать их, покинув супружеское ложе, и это будет в порядке вещей. Кэрол решила дать бой за леди Кэролайн.

– Господи Боже, сэр, – сказала она насмешливо, взмахнув

ресницами, — для чего же и существует жена, как не для того, чтобы мешать развлечениям мужа? — Надеюсь, вы выполните условия нашего брачного договора?

— А если нет? — Кэрол остановилась, бродив Монфорта на середине фигуры вальса с поднятой ногой. На миг его лицо показалось ей похожим на грозовую тучу, и она почти была уверена, что он сокрушит ее молнией. Неожиданно он улыбнулся. Схватив обе ее руки, он поднес ее пальцы к своим губам. Сторонний наблюдатель подумал бы, что он восхищается какими-то словами своей невесты или поздравляет ее с остроумным замечанием. Но говорить он начал сквозь зубы и так тихо, что Кэрол едва слышала его слова:

— Не знаю, Кэролайн, в какую игру вы играете, но я не позволю вам устраивать сцены и потешать сплетников.

— Расторгните помолвку, если вам не нравится мое поведение.

— Не расторгну, — сказал он, все так же улыбаясь своей прекрасной сияющей фальшивой улыбкой. Он вел разговор так, чтобы наблюдавшие за ними подумали, что он шепчет ей нежные признания. — И вам не позволю сделать это. Мы заключим сделку, Кэролайн, и вы будете выполнять все ее условия. Все.

Конечно, она не могла разбить чужую помолвку. Это поставит в затруднительное положение леди Кэролайн, когда сама Кэрол отбудет в свой век, а леди Кэролайн станет женой этого человека. Кэрол мало знала о брачных законах этой

эпохи, но подозревала, что у мужа было право распоряжаться и женой, и ее состоянием, и, может быть, каждой минутой ее жизни. Ради леди Кэролайн нужно быть осторожной. Но она не хотела сдаваться полностью.

– Боюсь, у меня от всех этих волнений кружится голова. Если бы я могла побыть одна хотя бы несколько минут, я почувствовала бы себя в своей тарелке. Я, видимо, пройду в библиотеку.

– К вашим услугам, сударыня. Я провожу вас. – Монфорт поклонился, и Кэрол ответила ему реверансом, которому ее научили в школе танцев. Когда он провожал ее из зала, музыканты заиграли новый танец. Мужчина толпились вокруг нее, приглашая ее на танец, но прежде чем девушка успела сказать что-либо, Монфорт принес за нее извинения. Вслед им устремились понимающие взгляды. Пожилые леди зашептались у нее за спиной.

– Прилично ли будет закрыть дверь? – спросила Кэрол, оказавшись наедине с Монфортом в библиотеке. – Не стоит ли пригласить сюда кого-нибудь? Может быть, тетю Августу? – спросила она с надеждой.

– Я предъявлю свои права жениха и скажу, что хочу немного побыть с вами наедине, – ответил Монфорт. Закрыв дверь, он подошел к ней с угрожающим видом человека, который решил быть ведущим в разговоре. – Итак, Кэролайн, я хочу, чтобы вы поняли, что я не разрешу вам нарушить слово, которое вы мне дали.

– Я никогда в жизни не нарушала своего слова, так же, как и мой отец. Подобным предположением вы меня оскорбляете.

– Рад слышать это. Некоторые мужчины полагают, что у женщин нет чувства чести. Я к ним не отношусь. Я ожидаю от своей жены честного поведения.

– Монфорт, вы женитесь на леди Кэро... то есть на мне, из-за денег?

– Это вряд ли вероятно, если учесть, насколько мое состояние больше вашего. – Он смотрел на нее так, словно пытался разгадать все ее тайны. – Всю свою жизнь вы знали, какое у меня состояние. Почему же вы спрашиваете о нем сейчас? Кэролайн, сегодня вы сами на себя не похожи.

– Это истинная правда. – Она вздохнула с облегчением, узнав о его богатстве, и продолжала более дружелюбно:

– Простите меня. Я сказала не подумав.

– Скажите мне, в чем дело, и я постараюсь помочь вам.

– Если я это сделаю, вы и в самом деле подумаете, что я сошла с ума. – Его испытующий взгляд чуть смягчился, и, заметив это, она всерьез собралась было рассказать ему о своем положении. Но тут же передумала. Монфорт не поверит в эту странную историю. Кроме того, если Кэрол через несколько часов вернется в XX век, бедной леди Кэролайн придется дать ответ за все эти невероятные поступки, которых она, скорее всего, и понять-то не в состоянии. Все решат, что леди Кэролайн сошла с ума.

Для Кэрол было совершенно ново думать не только о себе, но и о другом человеке, и притом добровольно, без всяких надежд на награду, кроме разве чужого благополучия. Это ее утомляло. Она подняла руку, чтобы потереть лоб. Монфорт придвинулся к ней, как бы желая защитить ее от чего-то.

– Теперь вы, конечно, понимаете, что можете мне доверять? – спросил он.

– Могу ли? Как я хотела бы в это верить!

– Откуда эта внезапная неуверенность, если в тот день, когда вы согласились на нашу сделку, вы не выразили ни малейшего сомнения?

– Освежите мои воспоминания, Монфорт. Объясните в точности, что это за сделка и почему я согласилась на нее.

– Вы не могли забыть подробностей, столь важных для вашего будущего и для будущего вашей сестры.

– Возможно, мне хочется услышать их от вас, чтобы убедиться, что **ВЫ** не забыли.

Кэрол помолчала, надеясь, что он сообщит хоть какие-то факты, которые предохранят ее от ошибок. Ведь расплачиваться за эти ошибки придется леди Кэролайн. Она заглянула ему в глаза и улыбнулась:

– Будьте снисходительны к моей глупости, Монфорт, прошу вас.

– Вы кокетничаете? Совершенно на вас не похоже. – Он был в замешательстве. Потом сказал:

– Что же, если вы решили выслушать все еще раз, пожа-

луйста. Наши отцы всю жизнь были друзьями. После смерти вашего отца мой отец сделал все возможное, чтобы устроить вашу жизнь и жизнь вашей сестры. Именно мой отец попросил леди Августу взять вас к себе, с тем чтобы она была вашей наставницей в светской жизни. Сначала она отказывалась, считая, что это доставит ей много хлопот и будет дорого стоить. Мне нет надобности говорить вам, что леди Августа бывает по временам скупа до неразумия. Тем не менее я уверен, что она никогда не жалела о том, что согласилась. Она сделала все возможное, чтобы ввести вас в общество как полагается и найти мужей для вас обеих. После смерти отца ко мне перешел титул графа Монфорта вместе со всеми отцовскими обязанностями. – Монфорт помолчал.

– Вы хотите сказать, что женитесь на мне из жалости? – Вызов, прозвучавший в ее голосе, заставил его резко поднять голову.

– Вовсе нет. Благодаря отсутствию крупного состояния вы необычайно удобная жена. Отец одобрил бы наш брак. У нас с вами всегда были дружеские отношения. Поскольку мне нужен наследник титула, наш брак – разумное разрешение множества проблем.

– Я должна произвести для вас наследника, – уточнила она.

– А также еще одного-двух детей, – добавил он, – поскольку дети часто умирают в первые годы жизни. Лучше быть уверенным, что после меня останется хотя бы один взрослый

наследник. Со своей стороны я оформил прекрасное завещание в вашу пользу, так что даже если я умру в молодости, вы никогда не будете нуждаться в деньгах. А пока мы живем вместе, я обещаю содержать вас так, как подобает графине Монфорт.

– Вот как, – пробормотала Кэрол, – денежное обеспечение в обмен на использование моего тела для производства ваших наследников. Практично. Но какой хладнокровный подход к устройству семейной жизни!

– Вы согласились на него так же хладнокровно, как я его предложил. Впрочем, мне показалось, что вы рады моему предложению – на свой бесстрастный манер. И потом, речь идет ведь и о вашей сестре.

– А что такое? – В голосе Кэрол послышалась готовность к обороне, которую она и не пыталась скрыть. Эта славная девушка заслуживала того, чтобы старшая сестра ее защищала. Кэрол не раздумывала, откуда взялись эти чувства, они просто появились, пока она слушала Монфорта.

– В день нашей свадьбы я назначу Пенелопе солидное приданое, чтобы она могла сделать хорошую партию. Не удивлюсь, если ей сделает предложение лорд Симмонс.

– Значит, я выхожу замуж ради сестры?

– Я питаю слабую надежду, что наше соглашение приятно вам и ради вас самой. – Казалось, он был в затруднении. – Вам трудно выйти замуж с вашим маленьким, приданным, а так как вы несколько старше того возраста, который предпо-

читателен для вступления в брак и у вас нет других подходящих поклонников, то... — Он замолчал, но Кэрол легко представила себе, что он мог сказать. В это время и в этой стране замужество и материнство были единственной достойной карьерой для знатной женщины. У леди Кэролайн нет выбора. Лорд Монфорт красив, хорошо воспитан и богат. Это прекрасная партия — только любовь не является частью этого уравнения. Кэрол стало жаль леди Кэролайн.

— Какое четкое деловое соглашение, — подумала она вслух.

— Я тоже так считаю. — Он взял ее пальцем за подбородок и повернул ее лицо к себе. — Считал до этого вечера. Вы превратились в другого человека, и я едва узнаю вас.

— Вас сердит эта перемена? — прошептала она, почти не дыша, потому что он был так близко.

— Она меня интригует. Я знаю — вы достаточно любите сестру, чтобы пойти для нее на все, даже на замужество с человеком, которого считаете чем-то вроде повесы. Я думал, что хорошо знаю вас, Кэролайн, и знаю, чего от вас ожидать. Никогда не предполагал, что за вашим чинным поведением скрывается столь живой нрав.

Его губы были так близко, что Кэрол охватила паника.

— Недавно я узнала больше, чем мне хотелось бы, о живых нравах, — заявила она.

— Да? Перемены, происходящие с вами, становятся особенно привлекательными в данный момент. Не позволите ли испытать ваш новообретенный нрав?

– Думаю, что это неразумно. – Она произнесла эти предостерегающие слова, задыхаясь так, что они вовсе не походили на предостережение.

– Почему нет, если я ваш будущий муж? – Обняв ее за талию, он притянул ее к себе. – Кто осмелится порицать меня? Ведь я попробую то, что скоро будет полностью моим?

Кэрол чувствовала мускулистую плотность его тела. Это нужно прекратить сейчас же. Ее испугало, что она совершенно не защищена от обаяния красивого мужчины, как ей представлялось. А этот человек принадлежал к тому же другой женщине.

Она приготовилась бурно протестовать. – Милорд, я не... – Слишком поздно. Его губы коснулись ее губ, пальцы, которыми он держал ее за подбородок, впились в ее короткие кудряшки, не давая ей отвернуться. Его рука еще крепче сжала ее талию.

Более шести лет прошло с тех пор, как ее целовал мужчина, и никто никогда не целовал ее с таким знанием дела. Сопротивляться было бесполезно. Он был гораздо сильнее. Но ужас заключался в том, что ей вовсе и не хотелось сопротивляться. Застонав, она разняла губы.

И обняла его с безнадежным отчаяньем. Пусть ею руководят чувства.

Губы его были страстны и горячи, и Кэрол отвечала ему со все возраставшей готовностью. Она растворялась в его желании. Они стояли, прижавшись друг к другу. Кэрол подня-

лась на цыпочки, чтобы достать до его губ. Поцелуй длился так долго, что она потеряла всякое ощущение времени и чувствовала только блаженство. Когда он наконец оторвался от ее губ и поднял голову, лицо его было страстно напряженным, а серые глаза говорили о желаниях, слишком примитивных для цивилизованного человека.

– Господи, Кэрлайн, – как-то проскрежетал он, – как я мог так ошибаться в вас? Никогда не предполагал, что вы способны на такую реакцию! О, как я хочу вас!

Он спрятал лицо у нее на груди. Она все еще обнимала его, прижимая к себе, – нет, требуя поцелуев, которыми он покрывал ее тело у выреза персикового платья.

– Я не знала... не представляла себе, Монфорт!

– Николас, – простонал он, – меня зовут Николас. Зовите меня по имени.

– Николас. – Она закрыла глаза, чтобы лучше ощущать происходящее. – Николас!

– Ай да Николас! – раздался осуждающий голос леди Августы. – Монфорт, как вы себя ведете с моей племянницей?

Он поднял голову, и на мгновение в его глазах появилось то же примитивное выражение, только теперь это была жгучая ярость. Кэрол знала, что он чувствует. Ее тоже рассердило вмешательство леди Августы. Ей захотелось крикнуть, чтобы та убиралась вон и оставила их в покое.

– Итак, Монфорт? – Голос леди Августы стал еще резче, и по шелесту шелка Кэрол поняла, что та приближается.

Монфорт медленно выпрямился, загораживая Кэрол широкими плечами, пока она не привела себя в порядок. Затем он так же медленно повернулся, по-прежнему прикрывая девушку своим телом и давая ей возможность прийти в себя.

– Милорд, я к вам обращаюсь!

– Простите, леди Августа. Я не сразу услышал вас, потому что целовал свою будущую жену.

– Вижу. – Леди Августа устремила взгляд в сторону Кэрол. Благодаря неторопливости Монфорта она могла ответить старой даме довольно спокойным взглядом.

– Полагаю, вы получили удовольствие, – сказала леди Августа Николасу, не сводя глаз с Кэрол.

– Я нахожу, что это восхитительнейшее ощущение, – ответил Николас, – я намерен испытывать его как можно чаще.

– Кэролайн, я хочу поговорить с вами. – Леди Августа не сводила с Кэрол обвиняющего взгляда.

– Вы должны простить нас, сударыня, – возразил Николас, – но Кэролайн обещала мне следующий танец, и я не желаю оставаться разочарованным.

Повернувшись к Кэрол, он протянул ей руку:

– Надеюсь, моя дорогая леди, что следующий танец за мной?

И взглядом дал ей понять, что отныне между ними существует заговор – заговор страсти.

– Да, милорд. – Кэрол положила пальцы на его согнутую руку, и он повел ее в зал мимо леди Августы, стоявшей с

открытым ртом и словно потерявшей дар речи.

Глава 3

Трижды в этот вечер Николас танцевал с Кэрол. У пожилых наблюдательниц это почти не вызвало разговоров, поскольку они были обручены, но всякий раз, попадая в объятия Николаса во время вальса или переходя от одного кавалера к другому в более сложных танцах, Кэрол чувствовала на себе взгляд леди Августы. Она знала, что придется давать объяснения по поводу поцелуя в библиотеке, но пришла к выводу, что ее ничуть не заботит возможный выговор. Поцелуй, которого не должно было быть, вызвал в ней такую вспышку радости, что еехватило на несколько часов, и Кэрол улыбалась, смеялась, болтала так, словно ее место на самом деле было в бальном зале Марлоу-Хаус, словно она родилась для того, чтобы танцевать здесь.

Она быстро поняла, что танцы не так сложны, как она опасалась. Однажды, когда она была еще подростком, родители одной из ее подруг устроили в честь дня рождения дочери вечеринку с бальными танцами, и специально приглашенные учителя показывали юным гостям танцевальные па. И Кэрол увидела, что большинство танцев, которые танцевали в зале леди Августы, похожи на те, а фигуры, которых она не знала, она выучила очень быстро.

– Ты выглядишь сегодня такой счастливой, Кэролайн, – заметила Пенелопа во время короткого перерыва между тан-

цами. — Я никогда не видела тебя такой оживленной.

Кэрол показалось, что мягкие голубые глаза девушки смотрят излишне проницательно, и это может нарушить ее покой. Она попыталась направить любопытство Пенелопы по ложному пути.

— Николас говорил мне то же самое, — ответила она, беря Пенелопу под руку. Я объяснила, что это от волнения. Надеюсь, тебе тоже хорошо? Лорд Симмонс уже приехал?

— О да, и Николас прав: лорд Симмонс приехал именно для того, чтобы протанцевать со мной вальс. Он даже спросил у тети Августы разрешения сопроводить меня к ужину.

Глянув через плечо Кэрол, Пенелопа вдруг порозовела. Заинтересованная, Кэрол обернулась и увидела, что к ним идет Николас вместе с человеком годом или двумя старше Пенелопы. Она собралась было выяснить, кто это новое лицо, но по поведению девушки поняла, что это лорд Симмонс. Кэрол внимательно посмотрела на молодого человека. Она не нашла в нем ничего общего ни с кем из известных ей родственников, кроме фамилии. Лорд Симмонс был высок, светловолос, хорош собой. Молодые люди были явно в дружеских отношениях, и Кэрол задалась вопросом, рассказал ли Монфорт Симмонсу о приданом, которое он дает за Пенелопой, и не поэтому ли лорд Симмонс так внимателен к девушке.

Когда начался вальс и она вновь оказалась в объятиях Монфорта, Кэрол спросила его об этом. Она спрашивала на-

стойчиво, и, к его чести, он не стал отшучиваться и не рассердился.

– Я уверен, что Симмонс интересуется Пенелопой. Однако я знаю его достаточно хорошо и уверен, что он никогда не станет навлекать на себя неудовольствия своего властного отца, сватаясь к девушке с маленьким приданым. То, что я дам за Пенелопой, просто позволит Симмонсу следовать влечению своего сердца. При этом осуществится главное желание Пенелопы. Вы не можете возражать против этих условий, потому что мы с вами давно договорились обо всем.

– Я просто хочу, чтобы она была счастлива, – сказала Кэрол, – и не пару месяцев или лет, а до конца своих дней. Она такая милая, славная девочка. Я уверена, что она ни разу в жизни не подумала ни о ком дурно.

– Я согласен с вами. – Монфорт улыбнулся и добавил с очаровательной насмешливостью:

– Но о вас, дорогая, я, увы, не могу сказать того же. Я просто уверен, что по некоторым поводам вы думали обо мне очень дурно.

– Не буду отрицать, милорд. Он принял это признание с понимающей усмешкой:

– Кэрлайн, если вы и впредь будете такой, как сегодня вечером, я постараюсь никогда не подавать вам повода думать обо мне плохо.

– Это обещание, милорд? – Кэрол хотела произнести это шутливо, но против ее воли голос прозвучал несколько рез-

ко.

– Самое что ни на есть торжественное обещание, – последовал немедленный ответ. – Новые черты вашего характера кажутся мне необычайно привлекательными.

Его глаза, устремленные на нее, были дымчато-зелеными. Кэрол почувствовала, что он с трудом сдерживает страсть. Она была уверена, что он жаждет поцеловать ее. А потом прикоснется губами к ее груди... Она вздрогнула, вспомнив его поцелуи, и увидела по его лицу, что он все понял.

– Если вы будете такой, как сегодня, вы плените меня навечно, и я совершенно забуду обо всех других женщинах.

– Вечность – большой срок, – прошептала она. – Тем не менее...

В этот миг танец кончился. Пенелопа и лорд Симмонс оказались рядом с ними, и им пришлось прервать свой слишком интимный разговор. Но Кэрол была убеждена, что Монфорт возобновит его при первой же возможности.

Все в его поведении убеждало, что разговоры об обожающей не были набором пустых комплиментов, – и то, как он смотрел на нее, как шел рядом, когда они вчетвером направились в столовую, и как искусно пресекал все попытки других мужчин выразить ей свое внимание.

И с вызовом, который был совершенно не в характере Кэрол Симмонс и, судя по тому, что она узнала о Кэролайн Хайд, вне понимания этой леди, Кэрол решила наслаждаться вниманием мужчины, пока она пребывает в Лондоне XIX

века.

Столовая была огромным помещением, которое выглядело бы официально, если бы в этот вечер его не украшали свечи и зелень, а также белые и красные цветы в честь праздника. Все это придавало комнате более интимный вид. Вместо одного длинного стола в комнате были расставлены маленькие столики на четыре либо на шесть персон.

Кэрол, Монфорт, Пенелопа и лорд Симмонс заняли столик на четверых. Джентльмены принесли дамам тарелки с ветчиной, ростбифом и салатом и, пока те ели, попивали белое вино. Во время легкой необязательной болтовни Кэрол постоянно чувствовала внимание Монфорта. И еще она ощущала пронизывающие взгляды леди Августы и знала, что в какой-то момент в недалеком будущем ей придется отчитаться за свое поведение в библиотеке.

Несмотря на это, Кэрол замечательно проводила время. Лорд Симмонс был остроумен и галантен, и спустя несколько минут Кэрол убедилась, что он любит ее сестру. Она поймала себя на этом слове. Как бы ни была ей симпатична Пенелопа, она ей не сестра, так почему же Кэрол испытывает к ней такую нежность и желание оберегать ее? Как Кэрол ни старалась, ей не удалось прогнать эти чувства.

И еще Николас. Ей льстило его внимание, и она не могла остаться к нему равнодушной. Она все сильнее сознавала, что происходит, и мечтала об объятиях Николаса и о том, чтобы опять с наслаждением ощутить его губы на своих. По

его взглядам было ясно, что он хочет того же.

Ситуация была невыносимая. Кэрол пришла к выводу, что настоящая леди Кэралайн держала жениха на расстоянии вытянутой руки. Если Кэрол вернется в свой век и леди Кэралайн, воцарившись в принадлежащем ей теле, оттолкнет Монфорта, когда он захочет ее ласк, как ему будет больно! Мысль об этом пронзила ее холодное сердце.

Тут же в ней вспыхнул гнев на леди Августу. В качестве призрака, который утверждает, что все знает о Кэрол, леди Августа должна бы знать, сколько эмоциональной энергии потратила Кэрол за последние шесть лет на то, чтобы избежать страданий. Как же тогда могла леди Августа подвергать ее возможности новых душевных мук? Какая злоба! Какая несправедливость!

И все же, возмущаясь тем, как дурно с ней обошлись, Кэрол не могла не признать самой себе, что в этот вечер она не хотела бы оказаться ни в каком другом месте. А самое удивительное – что она счастлива здесь.

После позднего ужина опять были танцы, которые кончились только ранним утром. Уезжали последние гости. Кэрол хотелось спать, глаза у нее слипались. Она подала руку Николасу и позволила вежливо поцеловать себя в щеку, с трудом подавив зевок. Он, конечно, заметил это.

– Надеюсь, не мое присутствие тому виной, а поздний час, – съязвил он и, пользуясь ее рассеянностью, поцеловал в другую щеку, слишком близко к губам для этого часа, как

решила Кэрол. – Могу ли я зайти за вами во второй половине дня и отвезти вас покататься?

– О, пожалуйста, Николас! – воскликнула Пенелопа, прежде чем Кэрол успела ответить, а леди Августа – возразить. – Я уверена, что Кэролайн будет в восторге. До обеда у нас нет никаких приглашений, потому что тетя Августа считает, что мы переутомились за ночь. Но я совсем не устала, и Кэролайн тоже, я полагаю.

– Кэролайн? – Николас ждал ответа, высоко подняв брови. Мог ли кто-нибудь – в том числе и леди Августа – подумать, что она откажется? Кэрол улыбнулась и кивнула в знак согласия, и Николас ушел.

– Кэролайн, – сурово сказала леди Августа, – нам нужно поговорить.

– Не теперь, – возразила, удивляясь собственной смелости, Кэрол, – я слишком устала для жарких споров. Поговорим позже, если хотите. Сейчас я иду спать. «А если вы отправите меня в XX век до того, как мы сможем поговорить, – добавила она про себя, – тогда то, что вы хотите мне сказать, не имеет никакого значения».

– Прекрасно, я буду ждать вас у себя в будуаре около полудня. – Леди Августа стала подниматься по лестнице. – Я непременно должна поговорить с вами до того, как вы отправитесь кататься с Монфортом. Теперь же вам обоим следует быть в постели.

– Хорошо, тетя Августа, – ответила Пенелопа. Кэрол в

этот момент была занята очередным зевком. Смеясь над сестрой, Пенелопа шепотом добавила:

– Дорогая сестрица, я тоже хочу поговорить с тобой и услышать все, что говорил тебе сегодня Монфорт, но засыпаю на ходу. Тетя Августа выглядит ужасно раздраженной, и поэтому я, для контраста с той лекцией, которую она тебе прочтет, подбодрю тебя очень приятной новостью.

– Дай-ка я попробую угадать, – отозвалась Кэрол, – это связано с лордом Симмонсом?

– Тебе придется подождать до утра, – сказала Пенелопа. Она ласково обняла Кэрол и протанцевала по коридору к дверям своей комнаты, которая, как только теперь заметила Кэрол, была рядом с дверью леди Кэролайн.

* * *

Проснувшись утром, Кэрол с удивлением обнаружила себя в той же красивой, белой с голубым, спальне, а значит, все еще в XIX веке. Она была уверена, что откроет глаза в противной голой комнате, где она спала и ела более пяти с половиной лет.

Горничная раздвинула драпри, и в окна заглянуло бледное декабрьское солнце. Кэрол лежала, спокойно оглядывая комнату. Красивые бело-голубые фарфоровые вазы на каминной полке, удобное голубое вышитое кресло, ковер, затканый изящным узором из роз и лент, тафтяные и про-

зрачные кружевные занавески на окнах, новые, крепкие, смягчающие дневной свет, – во всем этом было что-то в высшей степени успокаивающее.

– Доброе утро, миледи. – Горничная подала ей подносик с изящной фарфоровой посудой, покрытой сине-розовым узором. – Булочка и чай, как вы любите по утрам.

Заняв сидячее положение, Кэрол помогла горничной поставить подносик себе на колени.

– Какая у меня приятная комната! – сказала Кэрол. – Никогда не замечала раньше. И как успокаивает самое раздраженное состояние сон в такой уютной обстановке!

– О миледи, никто в жизни не назвал бы вас раздражительной, – ответила служанка, – у вас нрав спокойный и тихий, и вы любимица всей прислуги, если можно так сказать.

– Да? – От прислуги Марлоу-Хаус такого не услышишь.

– Конечно. И мы все так рады, что вы идете за такого знатного господина. Он красивый, этот лорд Монфорт. – По ее вздоху было ясно, что девушка вполне оценила мужские достоинства Монфорта.

Когда она ушла, Кэрол все еще нежилась в постели, размышляя над удивительными событиями вчерашнего дня. Судя по всему, впереди ее ожидали события не менее удивительные, иначе ее уже вернули бы в XX век.

Николас. Вспомнив о нем, Кэрол выпрыгнула из постели и бросилась к гардеробу, чтобы найти подходящее дневное платье. Горничная принесла кувшин с горячей водой. Кэрол

умывалась, когда девушка опять вошла в комнату.

– Ах, миледи, вот уж не ожидала, что вы так рано встанете! Не нужно вам самой одеваться. Это моя обязанность. Вы разве не помните, когда вы только что приехали в Лондон, вы думали, что сами должны заботиться о своих туалетах и причесываться тоже, а мы договорились, что вы позволите мне все взять на себя, как и подобает горничной знатной леди?

– Вы правы. Я не смогу застегнуть все эти пуговицы на спине. Это утреннее платье?

– Точно так, миледи. А теперь стойте смирно и дайте Элле управиться с застежкой.

Платье было из муслина в белую и желтую полоску; вряд ли оно могло защитить от зимнего холода, но Элла явно не считала, что ее хозяйка должна надеть что-то посущественней.

На плечи Кэрол она накинула шаль в желто-зеленых цветах. Шаль была мягкой и хорошо согревала, и Кэрол решила, что это кашемир.

– А теперь, миледи, – сказала Элла, удовлетворенная рядом Кэрол, – я знаю, что леди Пенелопа ждет вас у себя. Я кончила ее одевать как раз перед тем, как прийти к вам.

Спальня Пенелопы была очень похожа на спальню Кэрол, только выдержана в розовых и белых тонах. Когда Кэрол вошла, Пенелопа сидела за изящным дамским бюро, держа в руке гусиное перо. Заметив сестру, она отбросила перо, под-

нялась и поспешила к ней.

– О Кэрлайн, я дала торжественное обещание, что никому, кроме тебя, не скажу ничего, так что обещай сохранить мою тайну, – воскликнула она.

– Какую тайну? – Кэрол подумала, что она, скорее всего, знает, о чем речь. Оказалось, что это так и есть.

– Элвин... то есть лорд Симмонс, объяснился, – сказала Пенелопа. – Он говорит, что любит меня.

– Он просил твоей руки?

– Конечно нет, глупышка! – Девушка рассмеялась. – Ты же знаешь, что по правилам он не может просить моей руки, не получив разрешения своего отца. Когда речь идет об отце, Элвин всегда придерживается правил.

– Но тогда я весьма удивлена, что он забыл о своих правилах и не обсудил все сначала с отцом, прежде чем говорить с тобой.

– Элвин сказал, что Монфорт советовал ему повременить, но он боялся, что мне сделает предложение еще кто-нибудь, поэтому он открыл мне свои чувства, когда мы танцевали вальс вчера вечером. Ты ведь помнишь, он нарочно приехал на бал, чтобы повальсировать со мной?

– Я помню, Монфорт говорил, что лорд Симмонс должен приехать. – А про себя Кэрол подумала: «Интересно, какую роль в этом романе играет Монфорт?»

– Ну вот, – продолжала Пенелопа, – Элвин хотел удостовериться, что мое сердце отдано – так же, как и его.

– И ты уверила его, что это так?

– О да. – Личико девушки пылало от возбуждения. – Я понимаю, мы не можем объявить о своей помолвке публично, пока отец Элвина не даст согласия, и тетя Августа тоже, но мы по крайней мере уверены, что наши чувства взаимны. Элвин говорит, что Монфорт очень одобряет нашу помолвку и обещает пойти вместе с Элвином, когда тот будет беседовать обо мне с отцом. Элвин убежден, что отец согласится, если его поддержит такой человек, как лорд Монфорт.

– Похоже, что Монфорт и лорд Симмонс на пару решили все за нас, – пробормотала Кэрол.

– Ну конечно. Так и подобает мужчинам. Ты не должна возражать, Кэралайн, ведь ты хотела, чтобы я сделала хорошую партию, и вот мы обе нашли богатых титулованных мужей. Какая знатная леди могла бы желать большего? Ты счастлива, правда?

– Божественно счастлива. Пенелопа не заметила суховатых ноток в голосе Кэрол и продолжала беззаботно болтать о своих радужных планах на будущее в качестве супруги лорда Симмонса.

Кэрол не хотелось портить радостное настроение Пенелопы и обсуждать вопрос о ее приданом. Лучше умолчать об этом, раз она не уверена, знает ли сама Пенелопа об этом условии.

После откровенного разговора с Николасом накануне Кэрол поняла, что тот пользуется приданным Пенелопы для

того, чтобы оказывать давление на леди Кэролайн. Он действительно не сделает этого важного распоряжения относительно девушки до тех пор, пока Кэролайн не выполнит свою часть договора, выйдя за него замуж, и – Кэрол была уверена – пока у него не появится перспектива занять наследника. Граф Монфорт вовсе не был злодеем с лихо закрученными усами, но леди Кэролайн должна играть ту роль, которую он ей отвел.

– Простите, миледи. – В дверях стояла личная горничная леди Августы, Мэри. – Хозяйка хотела бы видеть у себя леди Кэролайн немедленно.

– О Боже, – воскликнула Пенелопа с шутливым ужасом, – хочешь, я пойду с тобой и буду защищать тебя от дракона?

– Думаю, что сама справлюсь. – Кэрол на мгновение обняла девушку и поцеловала ее. – Мы еще поговорим о твоих планах. Если ты счастлива и уверена в любви лорда Симмонса, прими мое благословение и наилучшие пожелания.

Только на полпути к комнате леди Августы Кэрол поняла, что она сделала. Вряд ли за последние годы она обняла кого-нибудь, повинувшись просто порыву. Но она обняла Пенелопу, и ей было хорошо. На сердце у нее было непривычно тепло. Но вот она постучала в дверь леди Августы, и увы – все это исчезло.

Леди Августа не стала терять время на светскую болтовню:

– Я ждала тебя больше часа. Будь добра объяснить, что ты

делала вчера вечером с Монфортом, по твоему мнению.

– Ему захотелось поцеловать свою невесту. Не могла же я протестовать, не так ли?

– То, что я видела, было гораздо большим, чем просто поцелуй.

Это и вправду было так, и при воспоминании о жадных губах Николаса Кэрол опять охватило возбуждение, которое она испытала накануне. Кажется, она совершенно не способна устоять перед Николасом. Она разозлилась, поняв, как она податлива. Уверяя себя, что злится из-за леди Кэролайн, она попыталась объяснить леди Августе, что произошло:

– Лорд Монфорт убежден, что он полный хозяин в их отношениях с леди Кэролайн. Он набит деньгами и посему считает, что может делать все, что ему угодно. Вы знаете, что он дает приданое Пенелопе? Но только когда Кэролайн будет его женой.

– Да, я знаю. Это довольно обычное условие, если человек так богат и так щедр, как Монфорт. Ты думаешь, я поверю, что вчера в библиотеке ты благодарила его за участие в судьбе сестры? – Оттенок сардонического удовольствия в голосе леди Августы заставил Кэрол задуматься. Что же собирается делать этот раздраженный призрак?

– Я попыталась показать ему, что леди Кэролайн не такое уж бесхребетное создание.

Я надеялась, что он будет лучше с ней обращаться.

– Я не знаю, плохо ли он с ней обращается. – Леди Августе

ста сверлила Кэрол взглядом. – И очень сомневаюсь, что ты вела себя таким образом из чисто альтруистических побуждений, как ты утверждаешь. Ведь Монфорт сокрушительно красив. – Она замолчала, по-прежнему не сводя глаз с Кэрол.

– Я не интересуюсь красивыми мужчинами, – ответила Кэрол, – вот уже шесть лет, как я сыта ими по горло.

– Во всех смыслах, кроме одного.

– Если вы собираетесь швырнуть мне в лицо ту давнишнюю историю с Робертом Драммондом, я ухожу.

– Кэрол, ты должна научиться быть честной с собой. Это самое первое условие успеха моего предприятия. Признайся в своих истинных чувствах к Монфорту.

– У меня нет к нему никаких чувств. Леди Августа грустно опустила голову. Кэрол всплеснула руками:

– Хорошо. Если вы хотите, чтобы я сказала это, я скажу. Он красив. Он привлекателен как мужчина. Он обходителен и требователен.

Не потому ли леди Кэролайн держалась с ним прохладно?

– Разве она держалась с ним прохладно? – Леди Августа склонила голову набок, явно заинтересованная этим открытием.

– Так он сказал.

– Как ты думаешь, в чем здесь дело?

– Откуда же мне знать? Только вы одна знаете все об этой ситуации. И вы не сказали мне то, что я должна знать об отношениях этой пары. Мне пришлось разговорить Николаса,

чтобы узнать то немногое, что я знаю об их договоре. И это только его деловая часть. Но это все вы знаете, да?

– Что же ты собираешься делать?

– Я? – Кэрол воззрилась на леди Августу. – Что вы скажете. Это ваше дело, а не мое.

– Я полагаю, нельзя ожидать, что ты сразу во всем разберешься.

– Я ничего не понимаю, потому что вы не говорите мне то, что я должна знать, – воскликнула Кэрол. – Вы толком не объяснили, для чего мы здесь, вы сунули меня к этим незнакомым людям, и я сама должна во всем разбираться. Это нечестно. Послушайте, сделайте милость, верните меня в мое время.

– Никто из нас туда не вернется, пока мы не выполним то, для чего мы сюда посланы.

– Да для чего же?! – Окажись у нее под рукой что-нибудь подходящее, Кэрол швырнула бы это в старуху – такое неистовое отчаянье охватило ее.

– Об этом мы узнаем, когда все сделаем, – ответила леди Августа со спокойствием, которое могло привести в ярость. – А теперь вы должны извинить меня, Кэролайн, меня ждут обязанности хозяйки.

Она махнула рукой в знак прощания. Кэрол не двинулась с места.

– Это все, что вы хотели сказать? – Не получив ответа, Кэрол задала другой вопрос:

– Сколько мы здесь пробудем?

– Столько, сколько понадобится, – последовал загадочный ответ. И леди Августа повернулась к ней спиной, лишив Кэрол всякой возможности дальнейших попыток. Тут же, словно по волшебству, появилась Мэри и стала у открытой двери, ожидая, пока Кэрол уйдет.

Поостыв после этой беседы, Кэрол почувствовала, что несмотря на строгий тон, леди Августа не очень рассердилась на ее поведение в библиотеке. Почему она не рассердилась – этого Кэрол не понимала, но знала наверное, что от леди Августы она не получит никакого ключа к разгадке. Придется самой узнавать все, что она хочет знать о леди Кэролайн. Единственное, в чем нельзя сомневаться, что Кэрол пробудет в XIX веке еще какое-то время. А значит, опять увидит Николаса, когда он зайдет за ней во второй половине дня. Ее охватило радостное предвкушение, и она испугалась.

– Не знаю, что мне надеть, – говорила она сама с собой, направляясь по коридору в свою комнату, – и что еще важнее, я не знаю, чего мне ждать и как вести себя.

Дойдя до двери Пенелопы, она остановилась и постучала.

– Помоги мне, – попросила она, когда девушка открыла ей. – Что мне надеть к приходу Николаса?

– Я так и знала, что ты спросишь, – сказала, смеясь, Пенелопа. – Ты ведь всегда спрашиваешь. А я всегда даю тебе неплохой совет, правда?

С помощью Пенелопы, притворяясь несколько рассеянной и сонной после бала в честь своей особы, Кэрол провела утро и середину дня, на которую пришелся визит трех молодых леди, видимо хорошо знавших сестер Хайд. Гости были переполнены новейшими сплетнями о помолвках, свадьбах и прочих происшествиях в аристократических кругах. Кэрол слушала их болтовню с жадностью, пытаясь запомнить все, что они говорят. Когда она отвечала невпопад, Пенелопа, ласково смеясь, тут же приходила сестре на помощь. Кэрол обнаружила, что гости глуповаты и легкомысленны и что на Пенелопу можно положиться. Ей начали открываться достоинства этой девушки.

Она нисколько не возражала против шпилек, которые подпустила ей Пенелопа по поводу прибытия огромного букета от Николаса. А когда спустя короткое время от лорда Симмонса прибыл почти такой же дар для Пенелопы, Кэрол вернула девушке ее шпильки. Как замечательно иметь подругу, с которой можно поболтать, которая заботится о тебе! На пару часов Кэрол почти забыла, что она не леди Кэролайн Хайд.

К приходу Николаса Кэрол была с помощью Пенелопы одета как полагается. На ней было платье в серо-голубую полоску, сверху – длинная синяя шерстяная ротонда на пуговицах и шляпка гармонирующего голубого цвета с большим бантом, завязывающимся под подбородком.

Кэрол совершенно не представляла себе экипажа, в кото-

ром они поедут. Единственное сиденье, на которое усадил ее Николас, было, по привычным для Кэрол стандартам, чем-то вроде высокого и ненадежного насеста, и первое время она крепко за него держалась. Но он правил уверенно и легко, и вскоре ее напряжение ослабло, и она поняла, что этот легкий лакированный экипаж заменяет в начале XIX века спортивную молодежную машину. Ей даже стала нравиться такая езда.

Вслед за Николасом она кивала и улыбалась встречным знакомым. Одновременно краешком глаза она следила за ним, чтобы, улучив момент, завести с ним серьезный спор. Она собиралась дать еще один бой за леди Кэролайн. В то же время она восхищалась его внушительной фигурой в бутылочного цвета пальто с несколькими воротниками и в касторовой шляпе.

Николас повернул в парк, придержал лошадей и направил их к веренице разнообразных экипажей, в которых сидели все те, кто выехал людей посмотреть и себя показать, а заодно и полюбоваться ясным холодным днем. Тут Кэрол решила, что настало время начать разговор.

– Милорд, я хочу взять реванш, – заявила она.

– Прощу прощения? – Он удивленно посмотрел на нее.

Кэрол прикусила язык. Надо тщательней выбирать слова. Николас наверняка и не слышал такого выражения.

– Я хочу сказать, – поправилась она, – что, по-моему, вы и лорд Симмонс манипулируете леди Кэро... мной и моей

сестрой, чтобы вынудить меня выйти за вас замуж.

– Кэрлайн, вы сошли с ума? – Он опять кинул на нее быстрый взгляд, отвлекшись от лошадей. – Мы с Симмонсом пытаемся обеспечить Пенелопе счастливую жизнь, которой она желает и заслуживает. Вы не станете возражать против моих намерений быть ей полезным, ведь вы неоднократно одобряли их. Что же до вас, наша помолвка всем известна. У меня нет надобности манипулировать вами.

– Разве женщина не имеет права принимать решения? – воскликнула Кэрол.

– Конечно, имеет. Вы могли отказаться от нашего брака.

– Понятно, – резко сказала Кэрол, – тогда вопрос исчерпан. Обсуждать больше нечего.

– Напротив, я думаю, нам есть о чем поговорить, – возразил он тихо и непреклонно. – Без сомнения, мы с вами поженимся. Тот брак, в который мы вступаем, нам весьма подходит. Признаюсь, сначала я полагал, что это будет обычная сделка, которые так часто заключаются в высшем обществе. Однако после вчерашнего вечера я стал надеяться на нечто большее.

– Большее, милорд?

– Я стал мечтать о таком браке, когда моя жена не будет скрывать свою любовь ко мне. Я знаю, что любовь между мужем и женой не принята в высшем обществе, но я поверил, что мы с вами будем жить не так, если сможем хорошо узнать друг друга. Разве вы не хотите попытаться, Кэрлайн?

Вы можете поверить, что я не предам вашей любви?

Он наклонился к ней, чтобы посмотреть ей в глаза, и Кэрол увидела, что под блестящей внешностью привыкшего главенствовать самца и расчетливого светского человека таятся огромные запасы доброты и нежности. Николас хотел бы любить леди Кэралайн – если бы она позволила. Но Кэрол не была леди Кэралайн и не имела права отвечать за нее.

– Я... я... я не уверена... – Она безуспешно пыталась найти слова – и не могла. С горечью увидела она, что он выпрямился и глаза его опять стали холодными.

– Я сознаю, что такие мысли новы для вас, – сказал он, – может быть, вы подумаете и дадите мне ответ позже.

Прежде чем Кэрол успела что-либо ответить, их окликнули из встречного экипажа. Николас остановил лошадей, и другая карета тоже остановилась.

– Леди Феллонер. Лорд Феллонер. – Николас приподнял шляпу. – Добрый день.

В стоящей рядом с ними карете Кэрол рассмотрела пожилого господина с подагрическим пальцем и его жену, которых она видела на балу. Кэрол поклонилась им, скопировав манеру кланяться у знатных особ, которых она разглядывала во время поездки.

– Ну, я вижу, что вы такая же румяная и хорошенькая, как всегда, – крикнул ей лорд Феллонер. – Молодости недосыпание не вредит. Скажите, дорогая, вы будете сегодня на балу у леди Линнвиль?

– Тетя Августа, сестра и я – мы все будем.

– Хотел бы я просить вас оставить за мной вальс, – продолжал лорд Феллонер, – но моя подагра не позволяет мне танцевать. Вы передадите вашей тетушке, что я надеюсь встретиться с ней за вистом?

– Конечно, милорд. Передам. А вы, леди Феллонер, тоже собираетесь играть в карты?

– Я вывожу племянницу и буду занята, – ответила леди.

Когда их карета отъехала, Кэрол вернулась к своим мыслям о Николасе. Она была рада перерыву в разговоре – это дало ей возможность передохнуть и направить разговор на менее интимные темы, чем будущие семейные отношения Николаса и леди Кэролайн.

– Вы тоже будете на балу у леди Линнвиль? – спросила она.

– Я собираюсь. – Наклонясь к ней, Николас сказал:

– Если бы я мог просить вас обещать все танцы мне!

– Если вы этого хотите, я обещаю. – Правильно она ответила или нет – она не могла ответить иначе, когда он смотрел ей в глаза. Он действительно был очень красив, когда улыбался вот так насмешливо.

– Это было бы совершенно неприлично. – Взяв поводья в одну руку, он накрыл ее руку другой. Сквозь двойной слой его и своих перчаток она чувствовала тепло его руки. Ее охватила слабость.

– Кэролайн, вы просто мучите меня ложными надеждами.

Вы хотите вызвать скандал?

– А разве мы могли бы? – Его пальцы сжали ее руку сильнее. – Я хочу сказать, разве обрученные могут стать изгоями только потому, что слишком часто танцуют друг с другом?

– Я начинаю думать, что ради вас я с радостью забуду все приличия, – Она сплела свои пальцы с его пальцами, и он добавил:

– Берегитесь, Кэролайн, вы сведете меня с ума.

– Я не знаю, долго ли я здесь пробуду, – пробормотала она, размышляя вслух, – это не может продолжаться бесконечно, и когда я уйду, у меня уже никогда не будет возможности разобраться в этой жизни и понять, что это значит – знать вас.

– Я как-то не ожидал от вас философских рассуждений, – отозвался он удивленно.

– Я хочу узнать все, что можно, пока не поздно. Николас, где мы будем жить после свадьбы?

– В моем доме, как мы решили. В Монфорт-Плейс.

– Это в Лондоне?

– Да, вы же знаете, Кэролайн. Это связано с нашим предыдущим разговором?

Она заметила, что странные вопросы сбили его с толку. И еще она заметила, что в его глазах опять вспыхнула надежда. С болью она напонила себе, что надежда относилась к леди Кэролайн, но, решив разузнать о нем как можно больше, продолжала:

– Я хочу увидеть ваш дом, – Она взяла его руку обеими руками и притянула ее к себе. – Пожалуйста, Николас, я хочу знать, как он выглядит, тогда я смогу вообразить, как вы живете там, когда меня здесь... – Она прервала себя как раз вовремя, чтобы не сказать лишнего.

– Хорошо, – сказал он, – но вы должны отпустить мою руку, иначе поднятых бровей у публики будет еще больше. На нас смотрят.

– Все, что мы делаем, дает пищу для скандала, да?

– Вы знаете, как подобает вести себя в обществе. – В его голосе появились строгие нотки. – Я буду рад, если вы станете выражать нежность наедине со мной, но не хочу, чтобы мы стали предметом пересудов. Я предостерегаю вас ради вашей репутации, дорогая.

– Конечно. Я должна была бы это понимать.

Все, что она видела и слышала за день в гостиной Марлоу-Хаус в обществе Пенелопы и ее приятельниц, показало ей, что молодым женщинам следует вести себя с большей сдержанностью. Отпустив руку Николаса, Кэрол сложила руки на коленях:

– Простите, Николас. Я не подумала. Но вы покажете мне ваш дом?

– Если хотите, мы проедем мимо него. Вы знаете, что принять вас без провожатого я не могу.

– Я понимаю.

Дом, похожий на белый разукрашенный свадебный торт,

находился в Мейфэар. Никакой струны в памяти Кэрол он не затронул, хотя она, бродя по Лондону, часто проходила по этой улице.

– Какой большой, – прошептала она.

– Я не сомневаюсь, что вы разберетесь, как вести дом. Ваша матушка воспитала вас как хорошую хозяйку именно такого дома.

К тому времени, когда Николас повез ее к Марлоу-Хаус, голова у нее трещала от обилия сведений, которые она пыталась рассортировать. Она смотрела вслед уезжавшему экипажу и понимала одно: трудно будет дождаться встречи с ним у леди Линнвиль.

Глава 4

Кэрол, Пенелопа и леди Августа сначала поехали в театр, а потом уже на бал. Огромный бальный зал был переполнен элегантной публикой.

– Какая давка, – изумилась Пенелопа, – леди Линнвиль будет в восторге, потому что все будут говорить, что бал имел большой успех.

– А разве успех тем больше, чем меньше удобств для гостей? – спросила Кэрол, пробираясь сквозь толпу. – Если так, то наш бал был неудачный, да? В Марлоу-Хаус столько помещений для гостей.

– Неужели ты это заметила? – Пенелопа как всегда насмешничала, и ее хорошенькие голубые глазки весело сияли. – Клянусь, ты видела только Николаса и никого больше, и потом, ты провела с ним столько времени в библиотеке.

– В этом доме прекрасная библиотека, – раздался голос позади Кэрол. – Буду счастлив показать ее вам, дорогая.

– Николас, – воскликнула Пенелопа, – вы не должны предлагать мне этого. – Взглянув на человека, стоящего рядом с Пенелопой, она слегка покраснела. – Добрый вечер, лорд Симмонс.

Спустя несколько мгновений Пенелопа и лорд Симмонс уже танцевали, а Кэрол кружилась в объятиях Николаса. Ее второй вечер в Лондоне начала XIX века казался Кэрол

чем-то вроде череды неясных картин: переполненные, жарко натопленные комнаты, непрерывная легкомысленная болтовня, незнакомые мужчины, во что бы то ни стало желающие танцевать с ней. Николас то и дело возникал рядом, и Кэрол воспринимала его как единственный устойчивый элемент среди чужого, меняющегося и беспорядочного окружения. Пенелопа большую часть времени проводила в обществе лорда Симмонса, если не считать нескольких танцев с другими мужчинами, чьи приглашения она приняла только из приличия. Леди Августа пребывала, вероятно, за карточным столом с лордом Феллонером. Только Николас был неизменен.

– Вам нехорошо? – спросил он, когда спустя какое-то время после полуночи нашел ее на террасе за раскрытым французским окном.

– В зале слишком жарко, – ответила она, глубоко вдыхая глуже-холодный воздух. – И все так крепко надушены. Мне захотелось прочистить легкие.

– А кончится это воспалением легких, – предостерег Николас. Затем, после минутного молчания, он спросил:

– Отвезти вас домой? – Сейчас? – Она повернулась к его высокой, темной фигуре. В этот вечер он опять был в черном. Они стояли в тени, и видны были только смутные очертания его лица и яркая белая рубашка. – Вы хотите сказать, что мы можем покинуть эту... эту ужасную давку, как выражается Пенелопа, не вызвав волнения у пожилых дам и не

задев чувств хозяйки?

— Это можно устроить, — сказал Николас, — если вам желателен ранний уход. — Что-то в его голосе сказала Кэрол, что это было не просто предложение доставить ее в Марлоу-Хаус. Внезапно ей показалась невыносимой перспектива провести еще несколько часов, танцуя с незнакомыми мужчинами и притворяясь, что она их знает, или болтая с молодыми леди, которых в основном интересовало, как подцепить богатых и титулованных мужей.

— Я, кажется, чудовищно устала, — сказала она, безукоризненно копируя одну из этих леди. Она распахнула веер и стала изящно им обмахиваться. — Я уверена, что у меня начинается головная боль. Не говоря уже о кашле, который может привести к воспалению легких.

— Это превосходные причины для немедленного возвращения домой. — Он говорил совершенно серьезно, но она понимала, что все это его забавляет.

— Не будете ли вы так добры устроить наш скорый, но незаметный уход?

— С удовольствием. Обопритесь о мою руку, сделайте милость.

Он чудесно обставил их отбытие. Он разыскал хозяйку, описал плохое самочувствие леди Кэролайн и умолял леди Линнвиль простить их. В это время Кэрол отвела в сторонку Пенелопу и шепотом выдала ей свое собственное объяснение, чтобы сестра не беспокоилась. Леди Августы нигде не

было видно, но Пенелопа обещала все ей передать.

— Не представляю, где она может быть, — сказала Пенелопа. — Я только что заглянула в комнату, где играют в карты, но ее там не было. Лорд Феллонер тоже ищет ее. Интересно, подумала Кэрол, не отбыла леди Августа с бала еще куда-то, чтобы получить новые инструкции, как мучить свои жертвы. Она не стала об этом задумываться. И жертвой она себя больше не чувствовала. Закутав ее в теплый отороченный мехом плащ леди Кэролайн, Николас торопливо провел ее по лестнице особняка леди Линнвиль к своему экипажу. Это была закрытая карета с кучером и двумя ливрейными лакеями, которые помогали войти и выйти из нее. Внутри карета была отделана роскошной мягкой обивкой из серой кожи, на сиденье лежала меховая полость. Николас укутал ее в эту полость и сел рядом на заднее сиденье.

— Как хорошо! — сказала она. — Благодарю вас за то, что вызволили меня оттуда. Все это было как-то чересчур.

— Я помню, вы однажды сказали, что не очень любите большие собрания.

— Никогда не любила. — Это была чистая правда.

— Я рад слышать, что, по крайней мере, в этом отношении вы не изменились, поскольку я, как вам известно, тоже предпочитаю спокойную жизнь за городом непрерывному светскому коловращению.

— Вы постоянно говорите, что я сильно изменилась. — Кэрол помолчала, надеясь, что он подкинет ей еще какие-ни-

будь сведения о настоящей леди Кэролайн. Она получила больше, чем ожидала. Он схватил ее за руки, крепко сжал их и заговорил с нескрываемым жаром:

– Я не знаю, почему ваша манера держаться так непохожа на обычную вашу манеру – холодную и бесстрастную, но я умоляю вас, Кэролайн, никогда не возвращаться к себе прежней, какой вы были до вчерашнего вечера. Если это произойдет, я не вынесу.

– А мне было показалось, что вы не одобряете моей пылкости, – сказала она, старательно подбирая слова, чтобы избежать возможных ошибок в будущем и не навредить леди Кэролайн.

– Я ею удивлен. Перемена была такой внезапной, Кэролайн, когда мы решили пожениться, мы едва коснулись этой темы, и сегодня вы также уклонились от ответа. Теперь я должен снова заговорить об этом. Я знаю, что мое предложение пришлось вам по душе – из практических соображений, как вы сами мне сказали. И я понял – по вашим же высказываниям, – что я вам нравлюсь и что вы меня уважаете. Но у меня сложилось впечатление, что некоторые ваши будущие супружеские обязанности вызывают у вас дрожь – чтобы, не сказать отвращение.

– Вы так подумали? – Кэрол старалась выиграть время, пока не узнает побольше, в каком направлении развивались отношения между графом Монфортом и леди Кэролайн до того, как она, Кэрол, не появилась на сцене.

– Смею ли я надеяться, что у вас было время, чтобы сжиться с перспективой – могу ли я сказать это прямо? – с перспективой разделять со мной ложе? Ваша новая манера поведения заставляет меня надеяться, что причина именно такова. Иначе я не разговаривал бы так смело сегодня днем.

– Милорд, вы заставляете меня краснеть, – прошептала Кэрол, все еще надеясь, что ей удастся что-нибудь узнать.

Что же такое было с леди Кэролайн, Господи помилуй! Почему она ничего не чувствовала к этому человеку? Может, она фригидна? Какое воспитание получали девушки в эту эпоху? Во всяком случае, из того, что она заметила, Кэрол поняла, что молодых женщин учили подавлять на людях любое проявление льющей через край молодости. Она не сомневалась, что, учитывая правила приличия и строгий надзор многочисленных наставниц, большинство хорошо воспитанных девушек были девственны, когда выходили замуж. Но каким образом им объясняли, как вести себя, оставшись наедине с женихом или мужем? Совершенно непонятно.

– Вчера вечером я целовал вас, и это не заставило вас покраснеть, – сказал Николас, и внезапные стальные нотки в его голосе напомнили ей, что, как бы ни был он чуток со своей невестой, в глубине души он остается все-таки упрямым и высокомерным барином. В карете было темно, но свет с улицы проникал в окна, и Кэрол видела, что он многозначительно посмотрел на нее. Когда он опять заговорил, его тон

был все еще строгим:

– Ответьте мне честно, Кэролайн.

– Вы правы, – медленно сказала она, – я изменилась. Зная, что наше совместное будущее устроено, что мне не нужно больше интересоваться...

– Да, – прервал он, – вы говорили мне, принимая мое предложение, что какое-то время вы беспокоились о своем будущем и о будущем Пенелопы.

– Вы действительно помните каждое мое слово? – спросила она, понуждая его пересказать этот разговор.

– Вы говорили, что намереваетесь стать компаньонкой леди Августы или найти унизительное место гувернантки, если это единственная возможность для вас жить достойно, но вы не хотите такой жизни для вашей сестры. Насколько я помню, тогда вы собирались отдать Пенелопе свое маленькое приданое, чтобы увеличить ее часть наследства и таким образом помочь сестре сделать хорошую партию. К счастью, я убедил вас, что Пенелопа наверняка откажется от этого плана, сочтя его несправедливым по отношению к вам, и поэтому вы приняли мое предложение. Полагаю, что мое предложение дать за Пенелопой хорошее приданое сыграло главную роль в вашем решении.

– Пенелопе можно желать только хорошего.

– Именно ваша любовь к сестре привлекла меня к вам поначалу. У меня нет ни сестер, ни братьев, и я рассматриваю вашу привязанность друг к другу как нечто прекрасное

и священное.

– А я вам дорога? – прошептала она.

– Вы с каждым днем становитесь мне все дороже.

Кэрол подавила легкую вспышку ревности, поняв, что ей не дожидаться любви Николаса. Ревновать к леди Кэралайн у нее не было никакого права. Не по вине этой леди Кэрол оказалась в теле женщины XIX века.

На самом же деле Кэрол начинала нравиться леди Кэралайн. Девушка, которая хотела выйти замуж, чтобы обеспечить счастливое будущее сестры, заслуживала восхищения в эту эпоху, когда возможности женщин были так ограничены. Кэрол только хотелось бы узнать истинные чувства леди Кэралайн к Николасу. С ее же точки зрения, выйти замуж за Николаса, спать с ним каждую ночь, вынашивать его детей отнюдь не было уделом худшим, чем смерть. Жизнь с ним могла стать интересным вариантом жизни в раю.

– Вы не можете утверждать, что боитесь меня, – прошептал Николас ей на ухо, – после вчерашнего вечера.

– Я не боюсь вас. В том смысле, как вы это понимаете. Просто есть вещи, которых вы обо мне не знаете, – я имею в виду обо мне настоящей. Я не то, чем кажусь.

– Как бы то ни было, я хочу держать вас в объятиях и моллю Бога о том времени, когда вы будете приходить ко мне со всеми вашими надеждами и светлыми ожиданиями, когда мы станем мужем и женой. Не могу выразить, как был бы я счастлив, если бы вы признались, что испытываете ко мне

нежность. Вы так ответили на мои поцелуи, что мне показалось – вы не остались равнодушной к моим попыткам сближения. Уверяю вас, это совершенно естественно.

– Вы говорите о физической любви, – с трудом прошептала она. Сердце ее сильно билось. Его удары отдавались у нее в ушах, и она вся дрожала. Это была не только реакция Кэрол Симмонс. Это как-то было связано с телом леди Кэролайн. Девушка не понимала, что с ней, и никак не могла перестать дрожать. – Я должна вам объяснить...

– Могу ли я надеяться, что эта сторона наших супружеских отношений станет для вас источником радостного ожидания, поскольку мы теперь начали ближе узнавать друг друга и использовать возможности, которые у нас есть?

– Да, но... – Она хотела рассказать ему о леди Августе и о том, как та перенесла ее в другую эпоху. Она хотела признаться, что в юности глупо и неразумно вела себя с Робертом Драммондом и это привело ее к эмоциональному срыву, и пусть он скажет, узнав правду, что это не имеет значения. Она хотела, чтобы он знал о ней все и по-прежнему любил ее, потому что ему нужна именно она, Кэрол Симмонс.

Она пыталась говорить – и поняла, что не может. Предостережение леди Августы в сочетании с ее собственным страхом перед тем, как может сказаться в будущем нарушение этого запрета, удержали ее от рассказа, уже сложившегося у нее в голове и готового сорваться с языка.

– Все это так сложно, – прошептала она.

– Тогда давайте поищем вместе, как все упростить. – Николас обнял ее и крепко поцеловал.

Она не сопротивлялась, поскольку сама этого хотела. Поэтому же она не обращала внимания на непрекращающуюся дрожь всего ее тела и странный голосок, панически твердящий где-то в глубине сознания, что всякое мужское прикосновение должно вызывать у нее отвращение. Другой голос, более громкий, перекрыл его, утверждая, что ничто, связанное с Николасом, не может быть отвратительным. Кэрол встретила его поцелуй, охваченная волной нарастающего желания.

Не прерывая поцелуя, Николас расстегнул ее плащ. Его руки скользнули под тяжелые полы плаща из толстой шерсти, отбросили их. В этот вечер на ней было платье из желтого газа. Между низким вырезом и высокой талией было совсем мало ткани, и ему легко удалось стянуть с нее лиф платья. Ее обнаженная кожа чувствовала холодный воздух и его горячие губы. А руки! Ничьи руки не прикасались к ней с такой нежностью и не вызывали такой сумятицы в чувствах.

Кэрол застонала, прижимаясь к нему. Он еще сильнее потянул вниз ее желтое газовое платье. Мгновение спустя она предстала перед ним обнаженной от талии до подбородка, и он прикасался к ней, целовал и ласкал.

– Красавица моя, – шептал он с обожанием, хотя, конечно же, ничего не видел в темноте кареты. Кэрол охватило блаженное тепло. Его руки ласкали ее все ниже. – Ты прелестна,

Кэролайн!

Жесткая от крахмала льняная рубашка Николаса царапала ей грудь, бриллиантовая головка булавки, воткнутой в галстук, попав ей на губы, показалась кусочком льда, когда она прижалась к нему, ища его губы... и нашла...

Карету тряхнуло, и она остановилась. Кэрол слышала – как будто это происходило где-то очень далеко, – что один из лакеев спрыгнул на землю и пошел по хрустящему льду открывать дверцу кареты.

– Бог мой, что я делаю?

Николас поспешно натянул ей на плечи платье. Кэрол услышала звук рвущейся ткани. Она путалась в плаще, пытаясь надеть его до того, как дверца откроется. Ее руки в перчатках так дрожали, что она не могла застегнуть крючок. Она всхлипнула от отчаянья – отчаянья не только по поводу неподдававшейся застежки.

– Я застегну. – Отведя ее пальцы, Николас застегнул крючок и запахнул полы плаща как раз в тот момент, когда лакей широко распахнул дверцу и опустил лесенку. По обе стороны двери Марлоу-Хаус горели факелы. Их бешеное пламя отразилось в глазах Николаса. Он вышел из кареты и подал руку невесте.

Ее изумило его самообладание. Ни единая черта в его надменном лице не говорила о том, что происходило между ними в карете. Он благополучно ввел ее в дом, сохраняя холодноватую сдержанность истинного аристократа.

– Я не сомневаюсь, что мы увидимся завтра утром. – Он поклонился, а лакей с явным одобрением созерцал его прекрасные манеры. – А также на следующем балу. Вы оставите первый вальс за мной? И позволите проводить вас к ужину?

– Конечно, милорд. – Поняв его намек, она протянула дрожащую руку для поцелуя. – Если я верно подсчитала дни, завтра рождественский сочельник.

– Это верно. Когда мы встретимся на балу, я воспользуюсь случаем и пожелаю вам особенно радостного Рождества. – На мгновение огни, пылающие в его глазах, сверкнули для нее одной, придав скрытый смысл его словам, прежде чем он вернулся к своей прохладной манере. – Доброй ночи, дорогая, до завтра.

Лакей закрыл за ним дверь и повернулся к Кэрол.

– Ваш плащ, миледи? – Он протянул руки.

– Я, пожалуй, не буду раздеваться, пока не поднимусь к себе и не окажусь у огня, – сказала Кэрол. – Я очень озябла – было так холодно, пока мы ехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.